

№ 31. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 20 к. С.-Петербургъ, 4 Августа 1879 года. Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новая улица, домъ № 6. Годъ VII.

На чердачкѣ.

Разсказъ Б. Левина.

I.

Мой сонъ бѣжитъ отъ глазъ. Усталый, одинокій,
Берусь я за перо и мысль моя опять
Слагается, какъ встарь, въ рифмованныя строки..
Но кто-жь увидитъ ихъ? Кто будетъ ихъ читать?
Какіе похвалы, замѣтки и упреки,
Смѣясь иль злобствуя, мнѣ станутъ расточать
Въ кругу читателей—въ толпѣ многоязычной,
Гдѣ взгляды, мнѣнія и вкусы такъ различны?

II.

Когда насъ съ кѣмъ-нибудь судьба случайно сводитъ,
Не возникаетъ-ли вопросовъ рядъ у насъ:
Кто этотъ человѣкъ? откуда происходитъ?
Въ какой средѣ онъ росъ? какихъ идей запасъ
Онъ носитъ въ головѣ? дѣйствительно-ль подходитъ
По убѣжденьямъ къ намъ и можно-ль, не страшась,
Съ нимъ сблизиться тѣснѣй... А ты, собратъ-писатель,—
Ты знаешь-ли впередъ, кто будетъ твой читатель?

III.

Купецъ-ли самодуръ, въ разсчеты погруженный?
Холодный-ли журъ, давно уставшій жить?
Суровый-ли ханжа? Пустой-ли фатъ салонный?
Иль труженникъ-бѣднякъ, стремящійся забыть
За книгой пошлый міръ съ тревогой обыденной?..
А ты... ты долженъ всѣмъ имъ разомъ угодить!..
Вотъ почему страшитъ насъ часто выборъ тэмы
Для новой повѣсти, романа иль поэмы.

IV.

По счастію, давно привыкъ я безъ смущенья
Своимъ путемъ идти, не думая о томъ,
Въ комъ вызову вражду, гдѣ встрѣчу одобренье,
Кому навѣю сонъ, кого смущу стихомъ,
Карающимъ развратъ, корысть и преступленье,
И въ глубинѣ души забочусь объ одномъ,
Чтобъ рѣчь моя была понятна и доступна
Тому, чей свѣтелъ умъ и сердце неподкупно.

V.

Я города пѣвецъ. Восторга полныхъ пѣсенъ
Про голубую даль, про ширь родныхъ полей
Не ждите отъ меня. Мой бѣдный уголъ тѣсенъ,
Не вижу я лѣсовъ изъ компатки своей
И только старыхъ крышъ убогій мохъ и плѣсень,
Порою становясь обильнѣй и свѣжѣй,
Напоминаютъ мнѣ, что тамъ, далеко гдѣ-то,
Безжизненной зимѣ пришло на смѣну лѣто.

VI.

Мы пролетаріи, мы пасынки природы,
Подкидыши большихъ и шумныхъ городовъ,
И намъ-ли воспѣвать лѣсовъ зеленыхъ своды
И пѣсни соловья въ затишьи вечеровъ,
Когда кругомъ шумятъ колесами заводы
И слышенъ только вой пронзительный свистковъ,
Сзывающій народъ въ часъ утренней дремоты
Подъ тяжкое ярмо мучительной работы.

VII.

Не мѣсто здѣсь мечтать въ часъ лѣтняго разсвѣта,
При звонкомъ пѣньи птицъ въ проснувшихся лѣсахъ,
Вдыхая ароматъ живительнаго лѣта,
Любуяся росой, блестящей на цвѣтахъ,
Внимая, какъ ручей журчитъ немолчно гдѣ-то,
Слѣдя за облачкомъ, бѣгущимъ въ небесахъ,
И чувствуя, какъ къ намъ при общемъ пробужденьи
Нисходитъ на душу святое вдохновенье.

VIII.

Здѣсь, брошенные въ міръ житейской грубой прозы,
Въ заботахъ о грошѣ дни юности губя,
Стараясь отвратить нужды проклятой грозы,
Боясь на мостовой остаться безъ жилья,
Надежды яркія и радужныя грезы,
Какъ бредъ горячечный всѣ гонятъ отъ себя
И, кажется, смягчитъ сердецъ суровыхъ холодъ
Способна только мысль, что не грозитъ имъ голодъ.

IX.

Но нѣтъ, и здѣсь во тьмѣ угловъ и норъ подвальныхъ,
Подъ крышей ветхою чердачнаго жилья
Живетъ поэзія. Дѣтей судьбы опальныхъ
Она не предала на жертву злобѣ дня
О кровѣ и ѣдѣ,—и въ ихъ сердцахъ печальныхъ
Раздула искорки священнаго огня
И, озаривъ ихъ путь своимъ безсмертнымъ свѣтомъ,
Вдохнула новые мотивы ихъ поэтамъ.

X.

И то сказать: кто могъ ей указать границы,
Кто смѣлъ отмежевать ей скромный уголокъ,
Когда она, блестя, какъ яркій лучъ денницы,
И озаряя все, храмъ Божій и острогъ,
Находитъ красоту подъ сводами темницы
И вноситъ жизни свѣтъ въ напыщенный чертогъ...
Ищи ее вездѣ, собратъ мой! Ждутъ удачи
И слава ровная Макартовъ и Мункачи *).

*) Макартъ — воспроизводитъ въ живописи блестящія и яркія сцены; Мункачи является творцомъ мрачныхъ и грустныхъ сценъ.

XI.

Бери скорѣе холстъ, палитру, кисти, краски
И напиши... ну, вотъ хоть этотъ уголокъ,
И эту дѣвушку съ улыбкой, полной ласки,
И въ стрѣльчатомъ окнѣ взлелѣянный цвѣтокъ,
И крошки-мальчика задумчивые глазки,
Да солнечныхъ лучей не позабудь потокъ,
Чтобъ вѣяло тепломъ отъ всей твоей картины,
Отъ каждой тряпочки, отъ каждой паутины.

XII.

Въ нарядномъ уголкѣ на стульяхъ старой моды
Блеститъ здѣсь свѣжій лакъ, на столикѣ простомъ
Салфетки вязанной красуются разводы,
Съ стѣны глядитъ портретъ въ бордюрѣ золотомъ
И въ высохшемъ вѣнкѣ, напоминая годы
Былого счастія,—и чуется во всемъ
Стыдливой бѣдности завѣтное стремленье
Скрыть отъ нескромныхъ глазъ всѣ мелкія лишенья.

XIII.

Здѣсь жизни трудовой пріютъ благословенный,
Здѣсь дѣвушка-швея, кормилица семьи,
Свершаетъ подвигъ свой и твердо, и смиренно,
Въ работѣ проводя весны блаженной дни,
И, замѣняя мать братишкѣ, постепенно
Передаетъ ему познанія свои
И съ кроткой ласкою, какъ можетъ, какъ умѣетъ,
Въ младенческой душѣ благое сѣмя сѣетъ...

XIV.

Пригрѣлась здѣсь она давно съ ребенкомъ братомъ
И старикомъ отцомъ. Отецъ учитель былъ,
Но съ давнихъ поръ уже остался онъ за-штатомъ
И рѣдко частные уроки находилъ
И то въ какомъ-нибудь семействѣ небогатомъ,
Такъ какъ бѣднякъ дѣтей по старому училъ,
Какъ онъ учился самъ когда-то по методѣ,
Давно заброшенной, считавшейся не въ модѣ.

XV.

Свой старомодный фракъ носилъ онъ неизмѣнно,
Зачесывалъ впередъ клочки сѣдыхъ волосъ,
Хранилъ въ лицѣ черты забитости смиренной,
Но вплоть до старости былъ полонъ свѣтлыхъ грезъ
И говорилъ съ собой съ улыбкою блаженной,
Шагая на урокъ и въ слякоть, и въ морозъ...
Онъ былъ изъ тѣхъ, надъ кѣмъ свѣтъ и тогда смѣется,
Когда у нихъ въ груди на части сердце рвется...

XVI.

Пока отецъ все ждалъ хорошаго чего-то,
Какихъ-то чудныхъ дней и счастія поры,
У дочери его была одна забота,

Чтобъ голодъ не зашелъ подъ кровъ ихъ конуры.
Тяжелъ былъ бой съ нуждой, трудна швеи работа,
Тяжка роль матери для дѣвушки-сестры,
Но не слыхалъ отецъ ни жалобъ, ни упрековъ,
Ворочаясь домой измученнымъ съ уроковъ...

XVII.

Порою получивъ за трудъ вознагражденье,
Приходитъ онъ домой съ сіяющимъ лицомъ
И дѣтямъ говоритъ въ наивномъ восхищеньи:
«А знаете-ль куда сегодня мы идемъ?»
Имъ трудно угадать. «Въ театръ, на представленье!»
Кричитъ отецъ, — и дочь, склонясь надъ старикомъ,
Въ сѣдую голову его цалуетъ звонко
Съ улыбкой матери, ласкающей ребенка.

XVIII.

Порой бываютъ дни, когда надъ бѣдняками
Промчится, какъ гроза, рядъ будничныхъ невзгодъ,
Тогда стремится дочь веселыми рѣчами
Скрыть отъ отца нужды невыносимый гнетъ,
Стараясь какъ-нибудь свести концы съ концами
И ночи проводя безъ сна, среди работъ,—
Старикъ же видъ такой безпечный принимаетъ,
Какъ будто ничего не видитъ и не знаетъ.

XIX.

Порой старикъ-отецъ съ своимъ сынишкой Сашей
Вступаютъ въ заговоръ и шопотомъ твердятъ:
«А что мы подаримъ въ рожденье мамѣ нашей?»
(Такъ звали дѣвушку ея отецъ и братъ.)
И нѣтъ для нихъ минутъ блаженнѣе и краше,
Чѣмъ тѣ, когда они украдкою слѣдятъ,
Какъ ихъ любимица въ минуту пробужденья
Глядитъ на ихъ дары въ наивномъ удивленьи...

XX.

Такъ проходили дни, такъ проходили годы
Надъ кровомъ преданной и любящей семьи.
И не могли смутить вседневныя невзгоды
Святой идилліи согласья и любви...
Но на волнахъ морей отъ бурь и непогоды
Вполнѣ спасаются немногія ладьи,—
А ты, людская жизнь, еще быстрѣй, чѣмъ море,
Несешь за счастіемъ страданія и горе.

XXI.

И счастливъ тотъ, чья жизнь идетъ путемъ широкимъ,
Кто въ силахъ обществу родимому служить,
Кто преданъ замысламъ великимъ и глубокимъ,
Кто въ области идей душою можетъ жить
Кто, потерявъ семью, не будетъ одинокимъ
И, потерявъ друзей, не вздумаетъ сложить
Въ борьбѣ оружія, надѣясь всей душою,
Что новые друзья придутъ къ нему толпою.

XXII.

Но горе каждому, чье счастіе земное
Сосредоточено въ одной его семьѣ,
Кто можетъ, потерявъ созданіе родное,
Стать тяжкимъ бременемъ для всѣхъ въ своемъ углѣ,
Чье сердце послѣ бурь, разбитое, больное,
Подскажетъ: «лучше-бы лежать тебѣ въ землѣ,
Чѣмъ праздно догнивать, кончая вѣкъ убогій,
Колодой лишнею на чьей-нибудь дорогѣ».

XXIII.

Къ несчастію, всегда таковъ удѣлъ забитыхъ,
Безсильныхъ бѣдняковъ. Отъ міра въ сторонѣ,
Въ тиши укромныхъ гнѣздъ, съ трудомъ великимъ свитыхъ,
Они живутъ душой, въ родной своей семьѣ
Позабывая гнетъ страданій пережитыхъ,
Въ забвеньи сладостномъ, въ отрадномъ полуснѣ,
Съ одной молитвою, чтобъ только миновали
Надъ ними стороной и грозы, и печали.

XXIV.

Мои смиренные герои также жили
Въ дали отъ суеты, не трогая другихъ
И радуясь тому, что люди ихъ забыли,
Не видя ихъ нужды, не слыша жалобъ ихъ,
Не зная, что̀ они порой переносили,
Чтобъ только скрыть свои лишенья отъ чужихъ
И не попасть въ число загубленныхъ созданій,
Живущихъ отъ щедротъ обидныхъ подаяній.

XXV.

Чтобъ это счастіе прошло, какъ сновидѣнье,
Оставивши въ душѣ на долгіе года
Одни безплодныя, пустыя сожалѣнья,
Довольно, чтобъ семья осталась безъ труда,
Чтобъ рѣзкой осени пахнуло дуновенье,
Чтобъ выбылъ кто-нибудь изъ мирнаго гнѣзда,—
И бѣдняки мои пришли къ такой развязкѣ,
Когда ребенку смерть на вѣкъ закрыла глазки...

XXVI.

Простуда, грозный тифъ, тяжелыя недѣли
Томительной борьбы со смертью юныхъ силъ,
Чуть слышный плачъ сестры у братниной постели,
Старикъ, блуждающій, какъ выходецъ могилъ,
Хожденье въ комнатѣ безъ смысла и безъ цѣли,
Молитвы смутныя, чтобъ Богъ ихъ пощадилъ,
И утѣшенія надъ бездыханнымъ трупомъ
Людей, сошедшихся сюда въ усердьи глупомъ,—

XXVII.

Все пронеслось, какъ сонъ!.. Но сдержаны рыданья,—
Въ умѣ уже встаетъ мучительный вопросъ:
На что похоронить любимое созданье?
Его недугъ гроши послѣдніе унесъ.
Какъ нищимъ, нужно имъ просить о подаяньи
И кланяться, когда сдавило грудь отъ слезъ
И умъ подавленный сообразить не можетъ,
Кто ихъ спасетъ теперь, кто имъ въ бѣдѣ поможетъ.

XXVIII.

Спасители нашлись. Какъ и вездѣ, въ столицѣ
Всегда есть добрыя и мягкія сердца,
Дающія другимъ послѣднія крупицы.
Нашлись и для него, для бѣднаго отца,
И даръ у богача, и лепта у вдовицы
И могъ онъ хлопотать, казалось, безъ конца
О гробѣ, о крестѣ... Но послѣ погребенья
Въ семьѣ угрюмое настало запустѣнье.

XXIX.

Исчезъ внезапно смыслъ ея существованья,
Не стало цѣли вдругъ въ грядущемъ передъ ней.
На что ей прилагать заботы и старанья,
Чтобы продлить еще рядъ безотрадныхъ дней?
Не лучше-ль, чтобъ скорѣй окончились страданья?
Не лучше-ль добрести къ могилѣ поскорѣй?..
Вотъ и старикъ твердитъ своей любимой Машѣ:
«Похоронили мы съ тобою счастье наше!»

XXX.

Онъ опустился вдругъ, въ немъ не хватило силы
Перенести ударъ съ покорностью судьбѣ;
Онъ бродитъ цѣлый день вокругъ родной могилы,
Потомъ, измученный, бредетъ домой къ себѣ,
Понуривъ голову тоскливо и уныло,
Съ какимъ-то помысломъ безрадостнымъ въ борьбѣ,—
И замѣчаетъ дочь съ пугливою тревогой,
Что какъ-то странно онъ шатается дорогой...

XXXI.

Да, началъ пить старикъ! Надломленный утратой,
Забвенія скорбямъ находитъ онъ въ винѣ,
Его степенный видъ потерянъ безъ возврата,
Похожъ на нищаго онъ сдѣлался вполнѣ,
И дразнятъ старика сосѣдніе ребята,
Когда, качаясь, онъ плетется въ полуснѣ
Съ косматой головой, покрытый грязью липкой,
О чемъ-то бормоча съ безсмысленной улыбкой.

XXXII.

Онъ пилъ и посылалъ проклятья этой страсти,
Онъ сотни разъ давалъ въ душѣ зарокъ не пить,
Но грудь его въ тоскѣ какъ бы рвалась на части,
Умъ жаждалъ поскорѣй минувшее забыть,
Въ измученной душѣ не находилось власти,
Чтобъ пагубный позывъ упорно побѣдить...
А дочь? Онъ передъ ней смущаться сталъ глубоко,
Хотя и не слыхалъ ни жалобъ, ни упрека.

XXXIII.

О, лучше бы она въ порывѣ раздраженья
Укоромъ встрѣтила несчастнаго хоть разъ!
Онъ сознавалъ въ душѣ, что брань и униженье
Онъ заслужилъ вполнѣ. Но этихъ кроткихъ глазъ
Полно̀ такой любви и ласки выраженье,
Что онъ, ворочаясь въ свой уголъ въ поздній часъ,
Боялся, что его, хмѣльного, неизбѣжно
Дочь встрѣтитъ у воротъ съ заботливостью нѣжной.

XXXIV.

Въ ихъ уголъ ходъ тяжелъ: старикъ споткнуться можетъ
На грязной лѣстницѣ, но любящая дочь
Ему, безсильному, опять взойдти поможетъ.
Пусть на дворѣ стоитъ уже глухая ночь,
Пусть нуженъ сонъ швеѣ, пусть скорбь ей сердце гложетъ,
Но отъ воротъ она не оторвется прочь
И будетъ ждать, боясь въ мучительной тревогѣ,
Что вдругъ съ нимъ что-нибудь случится на дорогѣ.

XXXV.

По утру, отрезвясь, и робко, и стыдливо
Онъ взглядывалъ на дочь. Она была блѣдна,
Была утомлена, но шила терпѣливо
И жалобъ не было. О, если бы она
Могла проникнуть въ глубь души его тоскливой,
Понять, какимъ душа раскаяньемъ полна!
Онъ даже думать сталъ въ минуты страшной муки,
Что скоро на себя онъ самъ наложитъ руки.

XXXVI.

Дочь подмѣчала всѣ больной души волненья,
Угадывала смыслъ свершавшейся борьбы,
Въ ней только объ отцѣ являлись помышленья,
О немъ одномъ въ душѣ слагалися мольбы,
Тревожный умъ искалъ путей къ его спасенью,
Онъ жаждалъ отвратить ударъ слѣпой судьбы—
И вотъ услышалъ разъ слова отецъ унылый:
«Побереги себя хоть для меня, мой милый!»

XXXVII.

Весь задрожалъ старикъ, закрывъ лице руками,
Смутившись, какъ дитя, а дочь, склонясь надъ нимъ,
Шептала съ ласкою: «Обрушилось надъ нами
Несчастье страшное... Вѣкъ коротать однимъ
Вдвоемъ пришлося намъ... Мы другъ для друга сами
Должны беречь себя... Спокойствіемъ твоимъ
Могу я только жить... Въ тебѣ угаснутъ силы—
И мнѣ останется желать одной могилы...»

XXXVIII.

Всегда въ простой душѣ, и любящей, и нѣжной,
Есть краснорѣчія могучаго запасъ,
Способнаго и гнѣвъ смягчать въ груди мятежной,
И слезы извлекать изъ омраченныхъ глазъ.
Дочь говорила: «Смерть сразитъ насъ неизбѣжно,
Но намъ-ли ускорять разлуки страшный часъ,
Чтобы за годы ласкъ любимаго созданья
Скорѣе отравить его существованье?»

XXXIX

Онъ слушалъ и рыдалъ, склонивъ предъ ней колѣни,
Онъ тихо ей шепталъ: «Прости меня, прости!..
Я стойко не съумѣлъ перенести мученій,
Я малодушно палъ, я сбился на пути...
Но миновало все!.. Ты, ты—мой добрый геній!..
Ты силу мнѣ даешь по прежнему идти
Дорогой честною и, полная любовью,
Не будешь за меня ты обливаться кровью».

XL.

Въ душѣ несчастнаго, глубоко потрясенной

Словами нѣжными, свершился переломъ.
Старикъ воскресъ опять, за старый трудъ поденный
Взялся упорно онъ, онъ думалъ со стыдомъ
О дняхъ паденія, о скорби, причиненной
Имъ доброй дочери, и снова объ одномъ
Молился, чтобъ ее въ грядущемъ миновали
И бѣды новыя, и новыя печали...

XLI.

На чердачкѣ опять, какъ и въ былые годы,
Насталъ отрадный миръ довѣрья и любви,
Спорился честный трудъ и мелкія невзгоды
Не нарушали вновь согласія семьи,
Но только иногда подъ грохотъ непогоды
Печальной осени являлся слѣдъ тоски
И пробуждалися въ сердцахъ усталыхъ муки
О томъ, что и для нихъ настанутъ дни разлуки.

XLII.

Съ тѣхъ поръ прошли года, но и теперь весною,
Бродя по кладбищу, я сталкиваюсь вновь
Съ отцемъ и дочерью. Святою тишиною
Они проникнуты. Вѣнки живыхъ цвѣтовъ
Красуются надъ ихъ могилкою родною.
Они сидятъ на ней въ затишьѣ вечеровъ—
Онъ съ книгой, дочь съ шитьемъ,—и въ эти встрѣчи наши
Я слышу каждый разъ: «А мы въ гостяхъ у Саши!»

Въ Египтѣ.

Романъ.

(Продолженіе.)

III.

Ночь я провела плохо и проснулась очень рано. Весь гаремъ, съ госпожами, служанками и невольницами, былъ еще погруженъ въ глубокій сонъ, когда я встала и, какъ ребенокъ, который, проснувшись, тотчасъ же бѣжитъ смотрѣть тутъ-ли игрушки, подаренныя ему накануне, принялась осматривать мое жилище. Всѣ мои сокровища были на своихъ мѣстахъ... въ цвѣтахъ, наполнявшихъ веранду, весело щебетали птички, подъ окнами обширные сады купались въ золотыхъ лучахъ восходящаго солнца.

Я позвала Бель, кормилицу, и мы втроемъ сошли внизъ.

Сегодня 1 декабря, но здѣсь нѣтъ зимы, здѣсь весна во всемъ своемъ роскошномъ блескѣ, все цвѣтетъ и благоухаетъ. Мы дошли до купальни. Это круглое зданіе, вродѣ бесѣдки, состоитъ изъ крытой галереи, окружающей огромный мраморный басейнъ, въ водахъ котораго отражается лазурь неба. Тутъ были разныя игры, начатыя женскія работы, чубуки, цѣлый асортиментъ кальяновъ. Кормилица намъ объяснила, что въ жаркіе дни обитательницы гарема проводятъ здѣсь большую часть своего времени, кушаютъ, курятъ, пляшутъ...

Мы принесли домой пропасть цвѣтовъ; невольницы принялись украшать ими мои комнаты... Я залюбовалась на нихъ; всѣ молоденькія и хорошенькія, въ богатыхъ, красивыхъ костюмахъ, у нихъ одна только забота—угождать и нравиться мнѣ. Во время завтрака пришелъ отецъ; снова зашла рѣчь о томъ, что я должна безпрекословно подчиняться здѣшнимъ правиламъ и обычаямъ. Онъ въ особенности напиралъ на уваженіе, которое я обязана оказывать его старшей женѣ, Зейнабъ, и ея старшей дочери, Оснахъ.

— Объ Саидѣ нечего безпокоиться, прибавилъ онъ, я увѣренъ, что вы будете друзьями.

Изъ его словъ можно было вывести, что, не взирая на отдѣльное помѣщеніе, сближеніе съ большимъ гаремомъ и соблюденіе всѣхъ правилъ его этикета для меня обязательны.

— По уставу, я не имѣю права посѣщать тебя наединѣ, мы должны были бы видѣться только при всѣхъ, но я постараюсь почаще нарушать этотъ уставъ, прибавилъ онъ съ очаровательной улыбкой, если ты обѣщаешь мнѣ хранить это въ тайнѣ.

Онъ объяснилъ мнѣ, что выѣзжать изъ дворца я могу не иначе, какъ въ каретѣ и въ сопровожденіи многочисленной свиты. Управленіе моимъ хозяйствомъ возложено на евнуховъ. Невольницами завѣдуетъ Назли, моя кормилица.

— Однимъ словомъ, все предусмотрѣно для твоего комфорта и спокойствія, а въ развлеченіяхъ у тебя недостатка не будетъ, прибавилъ онъ въ заключеніе.

Онъ также сообщилъ мнѣ нѣкоторыя подробности о моемъ братѣ. Въ настоящее время Али въ командировкѣ въ провинціи. Мнѣ очень хотѣлось бы съ нимъ скорѣе познакомиться; мы оба съ нимъ воспитывались вдали отъ родины и ужь одно это должно насъ сблизить. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что отецъ очень любитъ сына, однако, онъ сознался мнѣ, что очень недоволенъ его женитьбой. Братъ женился на невѣрной, на англичанкѣ. Жена его не принята въ Шимилахѣ. Такой острокизмъ показался мнѣ довольно несправедливымъ, но, конечно, я не осмѣлилась этого высказать. Не успѣлъ выйти отецъ, какъ въ комнату влетѣлъ вихрь—моя молодая мачиха, Саида. Завязалась веселая, беззаботная болтовня.

— Сколько тебѣ лѣтъ? спросила она меня между прочимъ.

— Семнадцать, отвѣчала я.

— Я тебя годомъ моложе. Хочешь быть моимъ другомъ?

— Очень рада.

Полились откровенности. Оказывается, что пріѣздъ мой произвелъ большой переполохъ въ семьѣ. Вниманіе ко мнѣ отца всѣхъ изумляло. Наболтавшись досыта, Саида принялась за разспросы. Одно имя Европы возбуждало въ ней любопытство и какой-то безотчетный страхъ. Надо было только видѣть, съ какою жадностью накидывалась она на вещи, привезенныя мною оттуда! Ей все надо пересмотрѣть, примѣрить... Каждую минуту прерывала она мои объясненія, наивными замѣчаніями и сравненіями. Вашимъ нравамъ и обычаямъ она и не думаетъ завидовать, напротивъ того, одно представленіе объ нихъ наводитъ на нее ужасъ.

— Какъ! Ходить одной по улицамъ! Безъ покрывала! Разговаривать съ мужчинами! Заботиться о себѣ и самой управлять своею жизнью! Какъ это должно быть трудно, хлопотливо! Неужели есть женщины, которыя способны на это? повторяла она.

Потомъ рѣчь зашла о Зейнабъ, которую зовутъ старшей госпожей, во вниманіе къ ея лѣтамъ и важному положенію въ семьѣ. Шалунья Саида весьма непочтительно ее передразнивала.

— А тебя какъ прозвали? спросила я.

Она расхохоталась.

— Попугаемъ!

Наконецъ, она объявила, что ее прислали за мной и что въ гаремѣ ожидаютъ съ большимъ нетерпѣніемъ моего появленія.

— Но надо сначала тебя нарядить.

Мы позвали Назли, невольницъ и мой туалетъ начался. Очутившись передъ зеркаломъ въ новомъ костюмѣ, я съ минуту времени не могла опомниться. Платье изъ золотого газа, бѣлые шелковые шаровары, широкій поясъ, усыпанный драгоцѣнными каменьями, все это дѣлало меня неузнаваемой. Меня въ особенности изумляли глаза: они сдѣлались такіе большіе и странные отъ тонкой кисточки, которою Саида слегка дотронулась до моихъ рѣсницъ, а губы казались еще краснѣе.

Мое появленіе въ гаремъ произвело эфектъ. Слѣдуя совѣтамъ моего отца, я низко поклонилась «старшей госпожѣ», которая, не трогаясь съ мѣста пролепетала нѣсколько невнятныхъ словъ въ отвѣтъ на мое привѣтствіе. Меня окружили и смотрѣли на меня, какъ на диво. Признаюсь тебѣ, что всѣ эти гуріи въ déshabillé, показались мнѣ сегодня не такъ красивы и не такъ интересны, какъ накануне. Характеръ ихъ тоже не трудно отгадать съ перваго раза — это смѣсь дѣтской наивности и невѣжества съ глубокимъ эгоизмомъ. Всѣ быстро привыкли къ моему присутствію. Зейнабъ, развалившись на подушкахъ, молча курила, остальное общество разбилось на группы; однѣ слушали какую-то сказку, другія пѣли, мѣрно ударяя по бубнамъ. Дѣти бѣгали и рѣзвились, размахивая газовымъ платкомъ. Изъ саду тоже доносились громкіе возгласы и веселый беззаботный смѣхъ, а евнухи важно прохаживаются среди этой пестрой и шумной толпы, по временамъ удостоивая улыбкой хорошенькую невольницу, одну изъ тѣхъ дочерей Кавказа, у которыхъ, какъ у цвѣтовъ, одно только и есть назначеніе на землѣ — тѣшить глазъ своей красотой.

IV.

Вотъ уже три недѣли, моя милая Марта, какъ я живу новой жизнью, подъ вѣчно синимъ и яснымъ небомъ, среди вѣчно улыбающейся природы, но до сихъ поръ я не могу привыкнуть къ этой жизни, до сихъ поръ она кажется мнѣ сномъ. Порой, я сама себя не узнаю въ роли арабской принцесы, окруженной свитой евнуховъ и невольницъ. Надежда найти здѣсь родственную по душѣ семью давно исчезла и приходится мириться съ тяжкой мыслью полнѣйшаго одиночества. Но ты меня знаешь, я не изъ слабодушныхъ и не легко предаюсь отчаянью. Къ тому же и любовь къ отцу поддерживаетъ меня.

Ты просишь меня подробно описать тебѣ, какъ мы проводимъ здѣсь время? Это очень трудно. Не потому, чтобъ развлеченія наши и занятія были сложны и разнообразны. О, нѣтъ! Но гаремная жизнь такъ мало подходитъ къ тому представленію, которое ты себѣ о ней дѣлаешь, что нѣтъ никакой возможности заставить тебя понять ни ея прелести, ни ея пустоты. Чтобъ постигнуть здѣшнія идеи и впечатлѣнія, надо непремѣнно испытать ихъ. Какъ назвать наше существованіе, жизнью или сномъ? Я не знаю. Собственно жизни здѣсь нѣтъ, а счастье заключается въ трехъ словахъ: пить, ѣсть и спать... но по восточному, то есть, съ подобающей медленностью и торжественностью. Встаютъ поздно, купаются, одѣваются, кушаютъ, валяются на диванахъ, слушаютъ болтовню невольницъ, ожидаютъ посѣщенія господина. Прибавь къ этому катанье въ лодкахъ по Нилу или въ коляскѣ подъ тѣнистыми сводами длинной аллеи изъ смоковницъ, называемой Шубра, вотъ тебѣ и вся наша жизнь. Но среди этого одуряющаго однообразія, выдаются минуты неописанной прелести; по вечерамъ, напримѣръ, когда, при свѣтѣ зажженныхъ люстръ и въ атмосферѣ, пропитанной душистыми ароматами, красавицы пляшутъ подъ звуки музыки и разносятъ шербетъ на подносахъ...

Къ счастью, я имѣю возможность удаляться на время отъ красиваго, женскаго стада, умѣющаго разсуждать только о красотѣ жемчужины или о выборѣ одежды; у себя я читаю, мечтаю, пишу... Однимъ словомъ, я дѣлаюсь француженкой, какъ говоритъ Саида, мой милый Попугай.

Попугай сдѣлался моимъ другомъ. Отъ нее я

знаю всѣ сплетни гарема и отлично ознакомилась съ его нравами. Теперь я ужь не нахожу ничего страннаго въ совмѣстной жизни Зейнабъ и Саиды. По здѣшнимъ законамъ, имъ можно было бы требовать отдѣльные гаремы, но имъ этого не нужно и онѣ уживаются вмѣстѣ какъ нельзя лучше. Старшая госпожа питаетъ почти материнское чувство къ Попугаю. Она нисколько не завидуетъ ни ея молодости, ни красотѣ, сама наряжаетъ ее и учитъ подкрашивать и глаза, и ногти. Саида же угождаетъ и повинуется ей, какъ дочь, никогда не позволяя себѣ чваниться своимъ положеніемъ фаворитки. Зейнабъ строго слѣдитъ за исполненіемъ правилъ и этикета мусульманской домашней жизни, а у Саиды одна только забота, одно требованіе — наряды. По цѣлымъ днямъ рѣзвится она съ молодыми невольницами; старыя же группируются вокругъ старшей госпожи.

Странное зрѣлище представляетъ большая зала въ гаремѣ, когда въ одномъ концѣ возсѣдаетъ старшая супруга — важно развалясь на подушкахъ, она молча куритъ свой чубукъ, изрѣдка прерывая это занятіе только для того, чтобъ перекинуться словомъ-другимъ, либо съ Назли, либо съ которымъ-нибудь изъ евнуховъ, — а въ другомъ концѣ молодая супруга, вся сіяющая жизнью и радостью, пляшетъ и поетъ вмѣстѣ со своей свитой.

Саида показала мнѣ, среди невольницъ, мать Фариде, которой восточный этикетъ не дозволяетъ садиться передъ дочерью. Объ этой послѣдней моя маленькая мачиха не можетъ слышать безъ смѣха, но за то нашу старшую сестру она побаивается. Оснахъ уѣхала въ свое имѣніе на другой день послѣ моего пріѣзда, и мы съ тѣхъ поръ не видѣлись, но Фариде посѣщаетъ насъ довольно часто. Она со мной очень ласкова и еслибъ я только позволила, мой хорошенькій будуаръ былъ бы давно загроможденъ дрянными бездѣлушками изъ Марселя. Съ большимъ одушевленіемъ описываетъ она мнѣ свои парижскія платья и ненавистъ къ старшей сестрѣ. Причина этой ненависти заключается въ слѣдующемъ. Каирская аристократія дѣлится на два лагеря, вѣчно враждующіе между собой: партія стараго Египта и партія молодого Египта. Оснахъ стоитъ во главѣ первой, а Фариде предводительствуетъ прогрессистками.

Теперь ты имѣешь понятіе о моей жизни! Она очень безцвѣтна и единственной отрадой служитъ мнѣ любовь и довѣріе отца, но это отрада немаловажная. Онъ часто заходитъ ко мнѣ по утрамъ, мы вмѣстѣ завтракаемъ и болтаемъ о всякой всячинѣ. Случается иногда, что онъ довѣряетъ мнѣ важныя государственныя тайны, но всего чаще рѣчь заходитъ о главной цѣли моего пріѣзда сюда, о моемъ замужествѣ. Впрочемъ, все это пока еще въ туманѣ и опасаться нечего.

У меня есть еще одна радость — говорить съ кормилицей, съ моей милой Назли, о моей матери. Старшая жена моего отца, Зейнабъ, дочь важнаго паши, а мать моя была невольница. Отецъ взялъ ее въ жены за красоту; она была вродѣ Саиды, ее тоже, можетъ быть, звали попугаемъ!

НАРОДЫ РОССІИ.

Бурята.

Рѣзалъ на деревѣ А. Шлиперъ.

Пока я пишу тебѣ, пробилъ часъ сіесты; кругомъ царитъ молчаніе... Нѣсколько невольницъ заснули у моихъ ногъ... Одна изъ нихъ особенно прелестна, уроженка Смирны, четырнадцати лѣтъ, волосы и рѣсницы длинные, и черные, какъ смоль... Бѣдняжка! Гдѣ ея родители? Когда я думаю о ней, мнѣ становится совѣстно жаловаться на судьбу.

Сейчасъ узнала важную новость: мой братъ Али пріѣхалъ!

V.

Отецъ самъ привелъ его ко мнѣ. Мы очень скоро познакомились и сошлись. Насъ оставили вдвоемъ. Али двадцать лѣтъ, онъ средняго роста, очень тонокъ, съ большими бархатными глазами и насмѣшливой улыбкой подъ длинными, черными усами; въ движеніяхъ какая-то особенная грація, изящная и лѣнивая. Мы долго молча смотрѣли другъ на друга, прежде чѣмъ разговориться. Онъ меня помнитъ, помнитъ также нашу мать и, слушая его разсказы о давно прошедшемъ, мнѣ казалось, что я и сама начинаю припоминать... Воспитаніе вдали отъ родины насъ удивительно сблизило; у насъ тѣже мысли, тѣже желанія и чувства. Бесѣда наша длилась очень долго и со мной онъ рѣшился приступить къ такому предмету, о которомъ ему здѣсь запрещено упоминать, а именно, объ его женѣ.

Во время пребыванія своего въ Англіи, онъ безъ ума влюбился въ дѣвушку очень бѣдной, но благородной фамиліи. Отецъ долго не соглашался дать свое согласіе на этотъ бракъ, но, наконецъ, сжалился надъ его отчаяньемъ и вотъ уже два года, какъ Али женатъ. Никакія уступки со стороны бѣдной невѣрной, не въ состояніи до сихъ поръ побѣдить предразсудка, — въ нашей семьѣ не хотятъ ее принимать и считать за родню. Мои сестры никогда съ нею не видятся и даже отецъ отказался познакомиться съ нею. Но все-таки они очень счастливы и надо только слышать, съ какимъ восторгомъ Али говоритъ про свою дорогую Адилу.

— Ты ее полюбишь, Мрьемъ, я знаю, что ты ее полюбишь, повторялъ онъ. — Какое для меня будетъ счастье познакомить васъ!.. Но только позволитъ-ли отецъ?

Я сказала, что постараюсь склонить его на это.

— Моя жена христіанка, печально возразилъ онъ, здѣсь это считается великимъ преступленіемъ.

— Нашъ отецъ такъ уменъ...

— Все это такъ, перебилъ меня братъ, но ему нельзя не подчиняться извѣстнымъ уставамъ, а уставы эти очень суровы!

Мы разстались, обѣщая другъ другу часто видѣться. Знакомство съ братомъ произвело на меня отрадное впечатлѣніе; теперь я не чувствую себя такой одинокой на свѣтѣ, у меня есть другъ. Воспитанный въ Европѣ, женатый на англичанкѣ, братъ съумѣетъ меня понять; намъ можно безопасно и откровенно бесѣдовать между собой о прошедшемъ и дѣлать планы на будущее. Жену его я уже люблю отъ всей души. Воображаю, какъ она тоскуетъ, когда остается одна! А это случается очень часто, потому что по обязанностямъ службы ему необходимо отлучаться изъ дому.

Можешь себѣ представить, съ какимъ нетер-

Тифлисъ.

Рѣзано на деревѣ по фотографіи.

пѣніемъ я ожидала на другой день посѣщеніе отца! Онъ остался доволенъ моимъ сближеніемъ съ братомъ, но когда я позволила себѣ заикнуться о желаніи познакомиться съ невѣсткой, онъ этому воспротивился.

— Какъ могла тебѣ придти подобная мысль въ голову? Твои сестры съ нею не видятся...

— Сестры и я—это не все равно!..

Упрямство мое начинало его смѣшить.

— О, ты бунтовщица! Это ужь давно извѣстно, замѣтилъ онъ съ улыбкой.

— Правда, правда... Но еслибъ вы мнѣ позволили... одинъ только разъ!.. Какая радость для брата, подумайте только! Я потихоньку, никто не узнаетъ!..

— Какъ никто? А я?

— Вы закроете глаза, вотъ такъ, сказала я, прикрывая ему глаза руками.

— Тебѣ это кажется легко?

— А развѣ трудно? Я поѣду кататься съ Бель и съ Назли, онѣ меня не выдадутъ...

— А твои люди?

— Мы зайдемъ къ сестрѣ Назли и оставимъ ихъ тамъ, а оттуда пройдемъ черезъ садъ на берегъ Нила... И если случай натолкнетъ меня на домъ Али, чѣмъ же я буду виновата, скажите, пожалуйста?..

Я такъ долго и такъ убѣдительно приставала къ нему, что, наконецъ, онъ сдался на мои просьбы.

— Смотри только, не попадись! улыбнулся онъ той прелестной улыбкой, которую я такъ люблю у него.

На слѣдующій же день воспользовалась я позволеніемъ, съ такимъ трудомъ вырваннымъ у отца. У кормилицы есть сестра по имени Зура, которую я иногда навѣщаю во время гулянья; мы отправились прямо къ ней, приказали людямъ нашимъ дожидаться у воротъ, а сами вышли черезъ садъ на тропинку, протоптанную между высокимъ тростникомъ, покрытымъ яркими пунцовыми цвѣтами. Назли указывала намъ дорогу. Отсутствіе свиты, синее небо, ароматъ полей, все это придавало особенную прелесть нашей прогулкѣ... Въ первый разъ, съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь, чувствовала я себя на свободѣ и радостное настроеніе духа съ минуты на минуту усиливалось

Минутъ черезъ десять мы очутились передъ дворцомъ, съ куполообразными крышами, въ чистѣйшемъ византійскомъ стилѣ. Привратники не сразу согласились насъ впустить: проникнуть въ арабское жилище не легко! Однако, намъ удалось пройти во второй дворъ. Тутъ насъ ожидали новыя затрудненія, но къ счастью у запасливой Бель нашлась въ карманѣ записная книжка, изъ которой я могла вырвать листокъ, написать на немъ мое имя и вручить евнуху для передачи его господину. Не прошло и минуты, какъ братъ мой, внѣ себя отъ восторга, прибѣжалъ къ намъ на встрѣчу и увлекъ меня на терасу, обставленную цвѣтами. Здѣсь онъ поцѣловалъ меня, но сверхъ моего покрывала.

— Да вѣдь это противъ устава! вскричала я.

— Мы здѣсь безпрестанно нарушаемъ уставы, возразилъ онъ со смѣхомъ.

Вокругъ насъ все дышало европейскимъ вкусомъ и комфортомъ. Мы были одни, безъ свиты, безъ евнуховъ; въ комнатѣ, въ которую онъ меня привелъ, были библіотека, рояль, картины... Мнѣ не дали разсмотрѣть остальнаго: прелестное видѣніе, золотокудрое, съ большими темными глазами, поднялось съ дивана и бросилось обнимать меня. Это была Адила, жена моего брата. Она замѣчательно хороша собой и отлично воспитана. Они обожаютъ другъ друга и живутъ совершенно по европейски. За обѣдомъ Али сидѣлъ за однимъ столомъ съ нами и окружалъ жену самымъ нѣжнымъ вниманіемъ. Какъ они счастливы! Сколько любви и ласки выражается въ каждомъ ихъ словѣ, въ каждомъ взглядѣ!

Онъ замѣтилъ мою разсѣянность и спросилъ, о чемъ я такъ задумалась! Я отвѣчала, что засмотрѣлась на нихъ. Адила угадала мои мысли.

— И тебя тоже въ будущемъ ждетъ счастье, сказала она.

Слова эти заставили меня еще больше задуматься. Какая будетъ моя судьба? спрашивала я себя не безъ страха. Послѣ обѣда мы занимались музыкой и время до отъѣзда пролетѣло незамѣтно. Я вернулась домой въ большомъ волненіи; сердце мое было преисполнено радости, мнѣ казалось, что я нашла семью, которая замѣнитъ мнѣ друзей, оставленныхъ въ Европѣ.

VI.

На другой день, едва только отецъ успѣлъ переступить порогъ моей комнаты:

— Она ангелъ! вскричала я. — Вы ее будете обожать!

— Кто? Кого? спросилъ онъ, немного смутившись такимъ приступомъ.

Я ему во всемъ созналась и ему, волей неволей, пришлось выслушать меня до конца.

Никогда никто не говорилъ ему такъ подробно про жену его сына; Али запрещено произносить ея имя. Я не скрыла, что посѣщеніе мое длилось довольно долго и на этотъ разъ меня простили, но съ условіемъ, чтобъ это не повторялось. Запрещеніе это не смутило меня, я знаю, что заставлю его уступить, когда будетъ нужно.

Дружба съ моей молодой мачихой продолжается, но я сдерживаю въ извѣстныхъ границахъ дѣтскія изліянія, которыми она готова заполонить все мое время. Я ее очень люблю, по измѣнить ее нельзя, бѣдняжка весь свой вѣкъ останется хорошенькой птичкой и больше ничѣмъ. Мы часто вмѣстѣ катаемся подъ тѣнистыми сводами Шубра. Это здѣшній Булонскій лѣсъ, выставка всевозможныхъ экипажей и народовъ европейской колоніи, туристовъ и обитательницъ гаремовъ. Саида умѣетъ очень искусно узнавать своихъ пріятельницъ подъ вуалями. Здѣсь каждый день происходитъ борьба между представителями стараго и молодаго Египта. Контрастъ между этими двумя партіями, съ перваго разу бросается въ глаза: отсталыя закутаны съ ногъ до головы въ габарахи, сторы въ ихъ каретахъ спущены; передовыя же, напротивъ того, всячески стремятся выставить на показъ парижское платье и вѣнки, смахивающіе на шляпы, которыми онѣ украшаютъ свои головы. Ручки ихъ обтянуты перчатками и онѣ манерничаютъ въ своихъ новомодныхъ каретахъ съ поднятыми сторами, англійскою упряжью и прислугой въ ливреяхъ. Евнухамъ приказано держаться на почтительномъ разстояніи. Эти офранцузившіяся аравитянки водятъ дружбу съ иностранками, невѣрными, и сплетничаютъ съ ними на пропалую.

Попугай повезъ меня въ гости къ сестрѣ моей Фариде, предводительшѣ партіи передовыхъ. Она очень странное, но весьма доброе созданіе, очень громко кричитъ, но никого въ мірѣ не способна обидѣть. Мужъ ея турокъ, человѣкъ тучный и ума не бойкаго. Домъ ихъ, выстроенный въ шумномъ центрѣ города, отличается отъ европейскихъ построекъ одними только тонкими рѣшотками у оконъ и въ немъ царитъ полнѣйшее безвкусіе, какъ снаружи, такъ и внутри. Не только мебель, но даже и ковры выписаны изъ парижскихъ магазиновъ втораго разряда; во всѣхъ углахъ ящички съ музыкой, органы... Хозяйка безъ шуму не можетъ жить. Ея выдумки иногда такъ оригинальны, что служатъ предметомъ для городскихъ сплетень. По цѣлымъ днямъ у нее гости, въ ея пріемной толкуютъ о театрѣ, о балахъ у вице-короля, о парижскихъ модахъ; ея вечера производятъ фуроръ.

Въ прошломъ году она вздумала задать раутъ по европейски и замѣнила кавалеровъ невольницами, переодѣтыми во фраки и бѣлые галстухи. Ихъ съ этой цѣлью выучили танцовать кадриль и раскланиваться по-мужски. Втеченіи цѣлаго мѣсяца весь Каиръ занимался этой продѣлкой моей сестрицы. Дѣтей ея воспитываетъ англичанка, а горничная при ней француженка изъ Марселя, у которой госпожа ея переняла выговоръ.

Поощряемая снисходительностью моего отца, я вижусь довольно часто съ семействомъ брата. У Али должность при дворѣ и онъ пресмѣшно разсказываетъ намъ придворныя сплетни. Онъ много выѣзжаетъ въ свѣтъ, имѣетъ большой успѣхъ между дамами и слыветъ здѣсь однимъ изъ первыхъ модниковъ и франтовъ... Здѣшніе щеголи перенимаютъ его манеру надѣвать феску и жена немножко ревнуетъ его. Живутъ они также неразсчетливо и роскошно, какъ и всѣ здѣсь. Однажды, я попросила его объяснить мнѣ письмо отца къ г-ну Гутнеру.

— Отецъ сказалъ правду, отвѣчалъ онъ со смѣхомъ, Египетъ разоренъ... У насъ столько долговъ, что мы никогда не будемъ въ состояніи ихъ уплатить.

— Неужели? вскричала я.

— Такъ точно. Но вѣдь это дѣло нашего векиля, замѣтилъ онъ небрежнымъ тономъ.

Здѣсь, у каждаго порядочнаго семейства есть векиль, управляющій. Люди эти наживаютъ себѣ огромныя состоянія на счетъ господъ, которые дѣлами не занимаются и живутъ изо-дня въ день, не заботясь о будущемъ. Отецъ нашъ разоренъ, Али разоренъ... Впрочемъ, онъ увѣряетъ, что всегда былъ бѣденъ и что въ нашей семьѣ одна только Оспахъ богата.

— А кстати объ Оспахъ, прибавилъ братъ, совѣтую тебѣ избѣгать ее.

VII.

Приключеніе! Романическое приключеніе въ гаремѣ, представь только себѣ!

Сегодня мнѣ съ самаго утра было весело. Бываютъ такіе дни. Представлялась возможность провести нѣсколько часовъ у Адилы. Бѣдняжка была одна и очень обрадовалась моему посѣщенію. Погода была прелестная, ни малѣйшаго дуновенія вѣтерка, въ воздухѣ весенняя мягкость, отъ которой зелень сверкаетъ изумрудами, а синева неба кажется еще прозрачнѣе.

Послѣ завтрака мы вышли въ садъ. Въ Египтѣ сады—это такое великолѣпіе, о которомъ въ Европѣ не имѣютъ понятія. На каждомъ шагу попадаются клѣтки, наполненныя рѣдкими птицами, бьютъ фонтаны, осыпая бриліантовыми брызгами апельсинныя деревья и мимозы, аллеи изъ банановъ, бамбуковъ и датуръ, клумбы лилій, тѣнистыя, прохладныя бесѣдки изъ смоковницъ и пальмъ.

Мы вошли въ кіоскъ съ окнами на Нилъ, любимое убѣжище моей невѣстки. Стѣны выложены розовымъ мраморомъ, индѣйскія сторы, множество изящныхъ вещицъ и книгъ. Наступалъ часъ сіесты и какъ ни старалась Адила поддерживать со мной веселую болтовню, однако, глаза ея начали мало по малу смыкаться и вскорѣ она заснула. Я отошла къ большому окну, затянутому проволочной сѣткой, весьма тонкой и изящной работы, и, облокотясь на пунцовый бархатный подоконникъ, начала смотрѣть въ сосѣдній садъ, густо поросшій травой и кустарникомъ. Въ полной увѣренности, что я не увижу ни души въ этомъ заброшенномъ уголку, я начала безъ церемоніи раздвигать вѣтки жасмина, которыми поросло окно и вдругъ, глазамъ моимъ представился бамбуковый столъ, заваленный книгами и газетами, а за столомъ молодой человѣкъ...

Онъ сидѣлъ, откинувшись назадъ на спинку кресла, въ мечтательной позѣ, безцѣльно устре-

мивъ взглядъ въ пространство. Съ перваго разу, онъ показался мнѣ некрасивъ: высокій лобъ, что-то мрачное и вмѣстѣ съ тѣмъ надменное въ глазахъ, черты лица неправильныя, но общее выраженіе очень энергичное и привлекательное... Вдругъ, лобъ его наморщился, голова опустилась на руку... Но это длилось не долго, онъ выпрямился и началъ распечатывать пачку писемъ. Читалъ онъ быстро, съ какимъ-то лихорадочнымъ нетерпѣніемъ... На одномъ листкѣ онъ остановился и два раза перечиталъ его, а затѣмъ усмѣшка проскользнула по его губамъ... Горькая усмѣшка!.. И онъ скомкалъ письмо между пальцами... Не знаю почему, но мнѣ вдругъ пришло въ голову, что письмо это должно быть отъ женщины и что сосѣдъ испытываетъ любовное разочарованіе...

Голосъ Адилы прервалъ мои размышленія. Я молча отошла отъ окна и уѣхала домой, не предложивъ моей невѣсткѣ ни одного вопроса относительно обитателей сосѣдняго жилища...

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Народы Россіи.

(Этнографическіе очерки.)

Ст. С. С. Шашкова.

(Продолженіе.)

XII.

Киргизы.

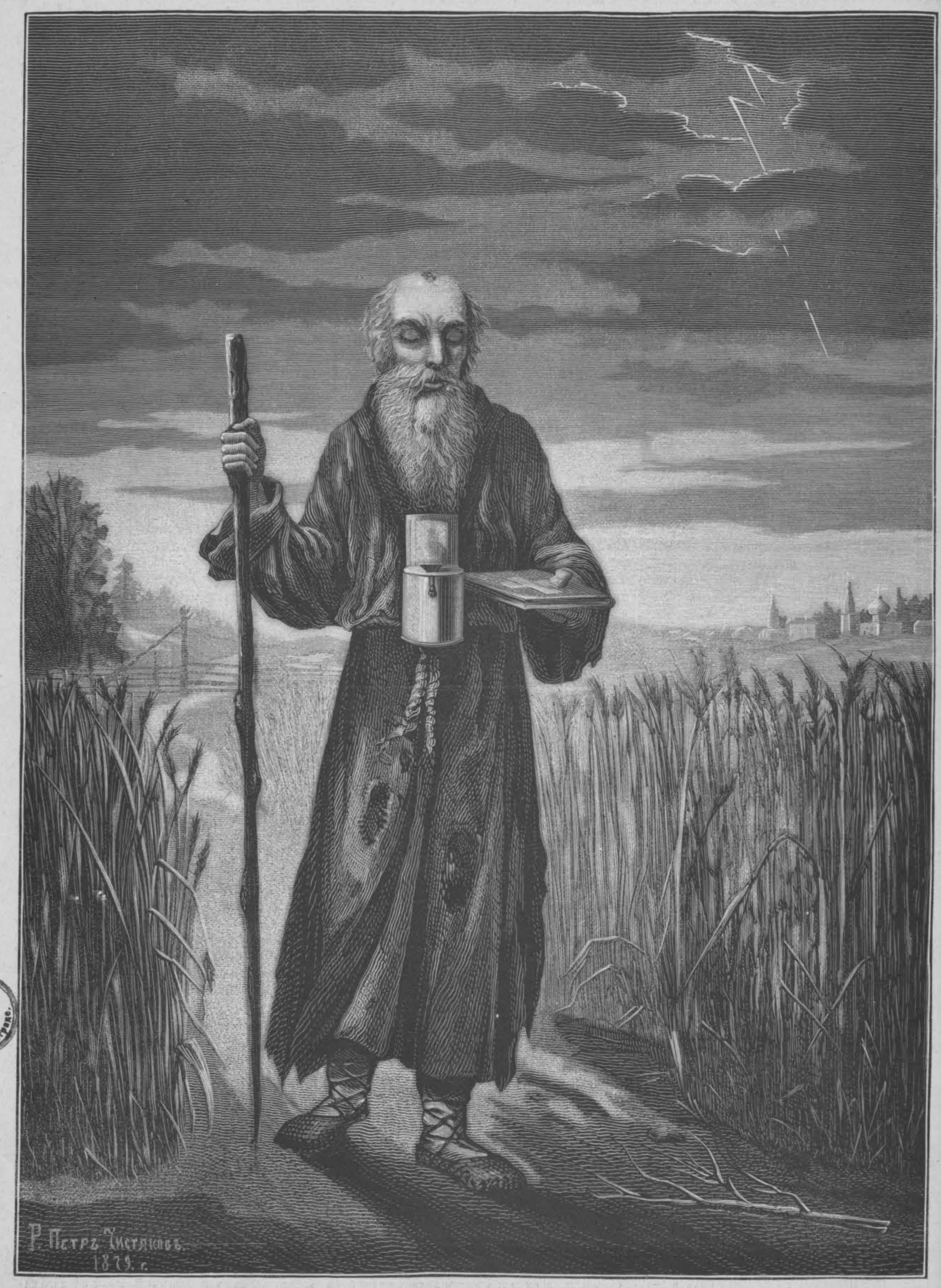

иргизскій народъ составился изъ обломковъ чингисова царства и о разноплеменности его происхожденія свидѣтельствуетъ чрезвычайное разнообразіе встрѣчающихся въ немъ типовъ, начиная съ монголо-татарскаго и кончая чисто арійскимъ. Названіе киргизы навязано имъ русскими, сами они называютъ себя **казаками**, и ихъ кочевыя общины составились точно такъ же изъ всевозможныхъ бѣглецовъ, какъ и поселенія русскихъ казаковъ, съ тѣмъ только различіемъ, что въ наши казачьи колоніи бѣжали преимущественно одиночки, а киргизскія общины составлялись изъ семейныхъ эмигрантовъ разныхъ странъ и народовъ средней и сѣверной Азіи. Раздѣленные на 3 орды—большую, среднюю и малую, киргизы по временамъ объединялись въ своеобразной федераціи, центромъ которой былъ городъ Туркестанъ, и до XVIII вѣка ханы ихъ играли важную роль въ средней Азіи. Но сначала этого вѣка междоусобія совершенно ослабили киргизскій народъ и въ то же время его начали тѣснить съ югозапада калмыки, съ сѣвера башкиры и сибирскіе казаки. Могущество киргизскаго народа было расшатано и разныя орды его уже въ началѣ XVIII в. начали искать защиты въ подданствѣ Китая, Россіи, калмыковъ, признавая попеременно власть то одного, то другого государства, то и дѣло возставая противъ своихъ номинальныхъ властителей и истощая послѣднія силы во взаимныхъ междоусобіяхъ. Сосѣди обыкновенно поддерживали эти междоусобія ради собственныхъ выгодъ. «Когда, напр., въ 1755 г. въ Башкиріи вспыхнуло возстаніе и когда, говоритъ Левшинъ, войска пришли и вступили въ Башкирію, то жители ея, не имѣя силъ противиться соединеннымъ противъ нихъ русскимъ, калмыкамъ, тептярямъ и мещерякамъ, бѣжали съ женами и дѣтьми, въ числѣ 50 тысячъ человѣкъ, за Уралъ. Множество изъ нихъ перебито при переходѣ черезъ рѣку; прочіе скрылись въ киргизъ-казачьихъ ордахъ». «Для воспрепятствованія башкирамъ соединиться съ киргизъ-кайсаками, Неплюевъ принужденъ былъ приступить къ мѣрѣ весьма жестокой, но въ то время и въ томъ краѣ необходимой. Онъ отдалъ во власть киргизъ-казаковъ женъ и дѣтей тѣхъ башкировъ, которые бѣжали къ нимъ изъ Россіи». «Сластолюбивые киргизы съ жадностію поспѣшали овладѣть предоставленными имъ женщинами. Башкиры стали защищать свои семейства, но будучи малочисленны, не могли устоять и частію на мѣстѣ лишились жизни, частію были выданы русскимъ, или сами возвратились съ твердымъ и нетерпѣливымъ намѣреніемъ отмстить казачьимъ ордамъ. Гнѣвъ и ревность немедленно вооружили въ Башкиріи толпы жителей, которые просили у начальства позволенія ѣхать за Уралъ. Неплюевъ отвѣчалъ, что государыня не позволяетъ переходить границу, а между тѣмъ тайнымъ образомъ велѣлъ начальникамъ крѣпостей и кордоновъ не замѣчать самовольныхъ переходовъ изъ Башкиріи въ степи зауральскія. Пользуясь мнимою оплошностію стражи русской, толпы башкировъ устремились въ орды казачьи и, нападая на нихъ, грабили, убивали, разоряли, а женъ и дѣтей увозили. Тѣснимые русскими, калмыками, башкирами, китайцами, киргизы въ свою очередь мстили имъ своими набѣгами, отгоняли скотъ, захватывали плѣнниковъ и продавали ихъ или отдавали на выкупъ. Въ западной Сибири въ половинѣ XVIII вѣка можно было покупать отъ нихъ рабовъ очень дешево, напр.,—за бабу 40 лѣтъ—12 руб.; за бухарца 30 л. съ бабою тѣхъ же лѣтъ—1 мерина, 1 жеребца, да деньгами 16 рублей.; за бухарку 7 лѣтъ—6 руб.; за бухарца 34 лѣтъ—12 руб.; за бухарца 12 лѣтъ—1 мерина, да 2 желтыхъ зендени; за бухарку 12 лѣтъ—1 мерина, да денегъ 1 руб.; за киргизку 40 лѣтъ—1 мерина, да денегъ 6 руб.; за бухарца 40 лѣтъ—12 руб.; за бухарца 15 лѣтъ—12 руб.; за бурятку 16 лѣтъ—12 руб.; за бухарку 17 лѣтъ—12 руб.; за бухарца—1 кобылу, да 10 копѣекъ; за дѣвку 25 лѣтъ—1 сѣрый сермяжный зипунъ; за бухарца 13 лѣтъ—8 рублей.

Но за то и киргизы много терпѣли отъ сибирскихъ и оренбургскихъ казаковъ, то и дѣло ходившихъ на нихъ и возвращавшихся обыкновенно съ богатою добычею и плѣнными рабами. Вотъ, напр., въ первыхъ числахъ ноября 1743 г., около Шульбинскаго завода, Семипалатинска и нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ были замѣчены разъѣзжающіе киргизы. 5-го ноября изъ Желѣзинской крѣпости былъ командированъ капралъ Вершининъ съ командою изъ 24 человѣкъ для присмотру неприятельскихъ людей и ихъ воровскихъ трактовъ. И отъ крѣпости въ 5 верстахъ напала на нихъ казачья орда, и сказывали тѣ непріятельскіе люди: «мы-де мирные люди и ѣдемъ торговать въ Желѣзинскую крѣпость». И послѣ того они учинили съ нимъ, Вершининымъ, бой; и того бою было до ночи». Киргизы начали одолѣвать и казаки просили изъ крѣпости сикурсу. На выручку ихъ посланъ былъ капралъ Пузинъ съ 42 челов. и 1 пушкой, но Пузинъ киргизовъ уже не засталъ и выслѣдить ихъ не могъ. Ноября 6 подъѣхали къ Желѣзинску два киргиза и захвачены въ крѣпость. Ноября 3 въ Семипалатинскѣ одинъ солдатъ объявилъ, что видѣлъ онъ за Иртышемъ «невѣдомо какихъ людей». Послана въ погоню команда изъ 30 человѣкъ, но она никого не нашла и только захватила въ плѣнъ одного киргиза. 8 ноября изъ Черлаковскаго форпоста сотникъ Дороховъ ѣздилъ съ казаками по степной сторонѣ для присмотра непріятельскихъ людей и наѣхалъ онъ на 30 киргизовъ, «изъ оныхъ непріятельскихъ людей 20 человѣкъ поймали, а за остальными погнались». Въ помощь имъ изъ форпоста послано еще 31 человѣкъ. Дороховъ съ командою набѣжалъ на киргизскіе улусы «и оныхъ мужеска полу бойцовъ человѣкъ 50 и отъ улусу верстахъ въ 2 еще человѣкъ 20, и въ оныхъ улусахъ баталія была во второмъ часу ночи, и съ оной баталіи привезъ онъ, Дороховъ, 20 человѣкъ плѣнниковъ и скота многое число». По требованію Дорохова командировано ему въ помощь для вторичнаго набѣга изъ Омска 117 человѣкъ, да изъ Черлакова 31 человѣкъ, «и соединясь всѣ вообще, они 13 ноября въ степь отправились». Черезъ 5 дней похода нашли они на киргизскіе улусы, «и изъ тѣхъ улусовъ черезъ огненное оружіе взято въ полонъ мужескаго и женскаго пола 42 человѣка, 790 лошадей и 22 верблюда. И тотъ полонъ за помощію Божіею выведенъ въ Омскую крѣпость, во всякомъ благополучіи и въ добромъ здравіи. И требуетъ онъ, Дороховъ, рапортомъ, дабы повелѣно было вышеписанную взятую имъ добычу людей, лошадей и верблюдовъ отдать ему съ командою въ раздѣлъ, дабы впредь многіе вѣрноподданные охоту и не малую ревность имѣли. А по справкѣ съ присланнымъ въ 1735 г. ея и—го в—ва указомъ, въ которомъ велѣно взятыхъ въ полонъ непріятельскихъ людей взрослыхъ въ сибирскую губернскую канцелярію подъ крѣпкимъ карауломъ препровождать, а малолѣтнихъ мужеска и женска пола и ихъ багажъ и скотъ дѣлить, кто ихъ въ полонъ взялъ, чтобъ служилые люди къ поиску непріятельскихъ людей, и впредь охоту имѣли». Независимо отъ этихъ насильственныхъ захватовъ людей, бѣдность и голодъ сплошь и рядомъ заставляли киргизовъ, продавать русскимъ своихъ дѣтей, нерѣдко копѣекъ по 15 за штуку или за лукошко муки. «Въ началѣ XIX вѣка, говоритъ Мейеръ, торгъ дѣтьми дошелъ до обширнѣйшихъ размѣровъ». Въ особенно бѣдственномъ положеніи киргизы находились съ 1811 до 1814 г., «когда они выѣзжали со своими дѣтьми на линію и тамъ мѣняли ихъ низкою цѣною на деньги, муку и скотъ. Къ открывшейся тогда въ степи заразѣ на скотъ, присоединились глубокіе снѣга и гололедица, двѣ зимы сряду продолжавшіяся. Въ семъ состояніи тѣ изъ нихъ, кои не имѣли другого имущества, кромѣ скота, лишившись его, прибѣгли къ крайнему средству пропитанія своего, къ продажѣ дѣтей». Сперанскій въ своей запискѣ, поданной имъ въ государственный совѣтъ, замѣчаетъ объ этой работорговлѣ, что «дѣти калмыцкіе и киргизскіе, на сибирскую и оренбургскую линію киргизами привозимые, обыкновенно привозятся на мѣновые дворы и тамъ скупаются оптомъ или вымѣниваются на товаръ мѣщанами, кои симъ промысломъ занимаются. Цѣна ихъ на мѣстѣ обыкновенно отъ 10 до 25 р., рѣдко бываетъ выше. Промышленники содержатъ ихъ въ неволѣ и изнуреніи отъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, когда обыкновенно производится вымѣнъ, до зимы. Въ декабрѣ и январѣ, нагрузивъ ими фуры, отвозятъ ихъ обыкновенно на ирбитскую ярмарку, въ февралѣ мѣсяцѣ бывающую, и тамъ продаютъ или обмѣниваютъ въ розницу купцамъ и мѣщанамъ, кои потомъ распродаютъ ихъ или обращаютъ въ подарокъ». Въ 1828 г. рабство въ Сибири было уничтожено, но походы на киргизъ не прекратились и вплоть до половины настоящаго столѣтія степь была богатѣйшимъ источникомъ наживы для казаковъ. Понятно, что эти походы возбуждали въ киргизахъ сильное противодѣйствіе, выражавшееся въ такихъ смутахъ, какъ бунтъ султана Кенисара. Въ запискѣ, присланной имъ въ 1842 г. оренбургскому начальству, Кенисара говоритъ, что сибирскіе казаки грабили его въ 1825, 1827, 1830, 1831, 1832, 1836 г., въ 1837 два раза, въ 1838 четыре раза, въ 1840 три раза. Десять лѣтъ продолжался бунтъ этого предпріимчиваго султана, который осаждалъ крѣпости, грабилъ караваны, разбивалъ казачьи отряды, хотя и самъ въ свою очередь нерѣдко терпѣлъ отъ казачьихъ набѣговъ. Усмиреніе этого бунта сдѣлалось для сибирскаго казачества источникомъ наживы. Черезъ своихъ агентовъ Кенисара зналъ всѣ планы омскаго начальства и ловко избѣгалъ встрѣчъ съ высланными противъ него сильными отрядами, которые

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

РИСУНОКЪ ПЕТРА ЧИСТЯКОВА.

Власъ. (Изъ стихотв. Н. Некрасова).

Рѣзано на деревѣ въ **«Варшавской политипажнѣ»**.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ
КАРТИНА Р. БАЛАКА.

Есть-ли ко мнѣ? Гравировалъ **Целестино Садурни** въ Барселонѣ.

громили встрѣчные аулы, выжигали ихъ и вывозили къ себѣ на линію цѣлые обозы всякаго добра. Генералъ-губернаторъ Вельяминовъ писалъ военному министру, что усмиреніе бунта съ казачьими офицерами невозможно, такъ какъ они только пользуются этими смутами для собственной наживы и будутъ рады, если возстаніе затянется на возможно долгое время. Но бунтъ кончился самъ собою. Дикокаменные киргизы захватили Кенисару въ плѣнъ, сварили его живымъ, а посоленную его голову послали въ подарокъ омскому начальству, которое и сдало ее въ архивъ областнаго правленія. Но вскорѣ архиваріусъ подалъ рапортъ, что онъ не въ состояніи заниматься въ архивѣ, такъ какъ голова издаетъ отвратительный запахъ, и ее сдали мѣстному муллѣ для погребенія.

Послѣ бунта Кенисари, въ степяхъ бывало не мало волненій, но постоянно раздвигавшаяся сѣть русскихъ пикетовъ и укрѣпленій, а въ особенности покореніе Ташкента, Кокана и разгромъ Бухары, водворили въ степяхъ сравнительное спокойствіе. Но казакъ, оренбургскій и въ особенности сибирскій, давно уже выучился обдѣлывать свои дѣлишки подъ кровомъ этой мнимой тишины. Воровство сдѣлалось для него промысломъ, и правительство для огражденія киргизъ дало имъ право обыскивать казаковъ, со взносомъ извѣстнаго залога. Однажды Г. Н. Потанинъ, когда онъ былъ еще офицеромъ, во время одной изъ своихъ служебныхъ поѣздокъ по степи былъ задержанъ на станціи толпой киргизовъ, жаловавшихся, что конвоировавшіе его казаки украли у нихъ нагайку съ дорогой рукояткой. Потанинъ велѣлъ сдѣлать обыскъ, но нагайки у казаковъ не нашли, тогда киргизы попросили Потанина приподняться съ его сидѣнья въ телѣгѣ, и оказалось, что казаки умѣли подсунуть нагайку подъ своего офицера. Особенно отличались казаки на такъ называемыхъ пикетахъ, въ которыхъ обыкновенно дѣлались тайники и двойныя стѣны для припрятыванья воровскихъ вещей. Хорунжій С., бывшій начальникомъ пикета, разсказывалъ мнѣ о слѣдующемъ подвигѣ. Однажды онъ былъ въ гостяхъ въ аулѣ сосѣднихъ киргизовъ, между тѣмъ какъ казаки украли у нихъ, зарѣзали и спрятали въ тайникахъ двухъ коровъ. Вскорѣ послѣ его возвращенія домой, явились къ пикету киргизы и требовали пустить ихъ въ ворота, для обыска, предлагая обычные 50 р. залога. Ихъ на время задержали переговорами, и хорунжій, нарядивъ одного казака въ офицерское платье, посадилъ его въ кибитку, нагруженную мясомъ убитыхъ коровъ. Тройка, окруженная конвоемъ, какъ обыкновенно ѣздитъ по степи начальство, выѣхала изъ пикета, киргизы почтительно разступились и были впущены для обыска, но ничего не нашли и только лишились своего залога, а мясо было спрятано на время гдѣ-то въ степномъ тайникѣ. «Отправляясь, говоритъ Красовскій, въ какую-нибудь служебную поѣздку по волостямъ на легкѣ, казакъ возвращается съ нѣсколькими халатами, ситцами, парчею, мерлушками, деньгами, а иногда съ лошадьми, дареными или полученными отъ киргизовъ на время лѣтнихъ работъ, что почти выходитъ одно на одно. Закупоренная жизнь въ степныхъ селеніяхъ для казака, такого же фланера, какъ и киргизъ, становится невыносимою. Еще въ земледѣльческихъ станицахъ кокчетавскаго округа менѣе можно замѣтить въ поселенцахъ ту лѣнь, которою отличаются жители всѣхъ вообще административныхъ центровъ степи. Зажиточныхъ казаковъ, какъ въ этихъ станицахъ, или въ линейныхъ, здѣсь вы не встрѣтите. Склонности къ труду нигдѣ незамѣтно. Привыкнувъ легко доставать деньги, казакъ до того облѣнился, что не только земледѣліемъ заняться не въ силахъ, но не нарубитъ дома дровъ для варки пищи, а найметъ для этого киргиза, который служитъ у него за какой-нибудь фунтъ хлѣба въ день. Видимо оживаетъ онъ только при назначеніи въ какую-нибудь командировку по волостямъ, да изрѣдка шевелитъ мозгами при совершеніи коммерческихъ сдѣлокъ съ киргизами; но, при упавшемъ кредитѣ, сдѣлки эти ничтожны. Дороговизна на все привозное, при отсутствіи дѣятельности и незначительныхъ средствахъ, сильно затрудняютъ жизнь степного жителя, все-таки привыкшаго къ нѣкоторому комфорту на линіи. Скудная пища, недостатокъ развлеченій, при существованіи мысли, заставляетъ очень многихъ изъ нихъ находить утѣшеніе въ чрезмѣрномъ употребленіи вина и тѣмъ довершать разстройство своего хозяйства. Къ пьянству зачастую присоединяются обманъ, воровство, несдержаніе своего слова, ябеды, лихоимство, притѣсненія проѣзжающихъ и т. п. Нищета поднимаетъ нѣкоторыхъ на открытый грабежъ. Безнравственность между женскимъ поломъ, который, не менѣе мужескаго, лѣнивъ и столько же предается пьянству, до такой степени сильна, что право трудно рѣшить, можно-ли поставить все-таки болѣе развитую казачку въ чемъ-нибудь выше полудикарки-киргизки».

Сибирскій казакъ мало чѣмъ отличается отъ киргиза, у киргиза же воровство въ разныхъ видахъ служитъ однимъ изъ главныхъ промысловъ и даже обычай родовой мести выродился тоже въ грабежъ и воровство. Обиженный старается отомстить тѣмъ, что грабитъ врага, отгоняетъ скотъ и т. д.; тотъ мститъ ему тѣмъ же и эта баранта нерѣдко переходитъ отъ одного поколѣнія къ другому. Воровское удальство составляетъ репутацію киргиза и киргизъ-полковникъ Тызесъ обыкновенно хвасталъ: «Когда я былъ молодъ, то подобнаго мнѣ вора и мошенника во всей степи не было». «Знакомясь съ кѣмъ-нибудь, говоритъ Красовскій, киргизъ лестью, лукавствомъ и всякими путями старается извѣдать новаго человѣка, вкрасться въ его довѣренность, съ тѣмъ, чтобы удобнѣе его обмануть, при неудачѣ же въ этомъ отношеніи, онъ никогда не сознается въ своемъ намѣреніи и, попавшись въ какой-нибудь неловкой сдѣлкѣ, стыдится передъ своими признать себя обманутымъ, а напротивъ безсовѣстно хвастаетъ своею смѣтливостью, именно потому, что неловкаго вора всѣ презираютъ, тогда какъ искуснаго мошенника почитаютъ за богатыря, боятся, уважаютъ въ немъ умъ и находчивость, восхваляя эти качества въ пѣсняхъ совершенно такъ, какъ восхваляются дѣйствительно какіе-нибудь смѣлые подвиги замѣчательныхъ по удальству джигитовъ». Мысль о воровствѣ, любовь къ нему, киргизъ всасываетъ вмѣстѣ съ молокомъ матери; уже колыбельная пѣсня поетъ ему о воровствѣ; когда мать начинаетъ воспитывать сына, то чаще всего говоритъ ему о томъ же воровствѣ. Передавая, напр., ему названіе разныхъ частей тѣла, она разсказываетъ, что пять пальцевъ руки были прежде ворами. «Своруемъ», сказалъ большой палецъ; «пожалуй», отвѣчалъ указательный; «не лучше-ли не гнѣвить Бога», сказалъ средній; «ну съ божьей помощью», отозвался безыменный, а мизинецъ больше всѣхъ увлекся предложеніемъ большого пальца. Богъ судилъ ихъ и по степени вины уменьшилъ ростъ каждаго, между тѣмъ какъ, прежде всѣ они были равны. Даже разсматривая явленія внѣшней природы, олицетворяя ихъ въ своихъ мифическихъ сказаніяхъ, киргизъ никакъ не можетъ отдѣлаться отъ idée fixe своей жизни, отъ воровства, и превращаетъ въ конокрадовъ звѣзды небесныя. Полярная звѣзда, по вѣрованію киргиза, есть ничто иное, какъ желѣзный гвоздь, вбитый въ небо. Къ нему привязаны двѣ лошади, серебряная и золотая (созвѣздіе Дракона). Этихъ лошадей постоянно стараются украсть семь воровъ (семь главныхъ звѣздъ Большой Медвѣдицы). Каждую ночь крадутся онѣ по небу, но никакъ не успѣваютъ добраться во время до упомянутыхъ лошадей: разсвѣтъ заставляетъ ихъ спрятаться, а вечеромъ они снова отправляются въ свою воровскую экспедицію. Страстно преданный воровскому удальству, киргизъ въ тоже время страшно лѣнивъ, любитъ праздность и жадно прислушивается къ каждой сплетнѣ, къ каждой новости. «Киргизъ, говоритъ Мейеръ, усиленно работаетъ только вслѣдствіе крайней нужды, а если онъ сытъ и одѣтъ, то по большей части предпочитаетъ восточный кейфъ всякому труду. Любопытство развилось въ свою очередь отъ бездѣйствія и скуки. Киргизъ не только любитъ слушать новости, но вмѣстѣ съ тѣмъ большой охотникъ разсказывать. Всякое малѣйшее событіе или происшествіе, будь они самые пустыя, даютъ ему отличный случай ѣхать въ ближайшій аулъ и разсказать тамъ подробно свой хабаръ или слухъ. Само собою разумѣется, что онъ не прочь поприукрасить его не много. Знать интересный хабаръ, все равно, что имѣть въ карманѣ открытый листъ на сытный обѣдъ въ любомъ аулѣ; какъ только пріѣзжій говоритъ, что хабаръ есть, тотчасъ его угощаютъ, а онъ ѣстъ и разсказываетъ своимъ хозяевамъ, изъ которыхъ сейчасъ же кто нибудь воспользуется случаемъ покушать въ сосѣднемъ аулѣ и спѣшитъ туда отправиться съ своею новостью. Этимъ объясняется необыкновенная быстрота распространенія слуховъ въ степи. Стоитъ, напр., выѣхать въ степь русскому чиновнику, и черезъ нѣсколько дней слухъ объ этомъ событіи предшествуетъ ему иногда за сотню и болѣе верстъ». Обезпеченный въ первыхъ потребностяхъ своимъ скотомъ, киргизъ старается превратить свою жизнь въ непрерывный рядъ праздниковъ. Каждая перекочевка уже праздникъ для него. Родины, свадьбы, поминки празднуются на самую широкую ногу, на нихъ съѣзжаются знакомые и незнакомые. Праздникъ начинается общимъ угощеніемъ, и потомъ только приступаютъ къ играмъ. Главнымъ увеселеніемъ служатъ скачки, происходящія иногда на разстояніи до 40 верстъ. Соразмѣрно съ этимъ назначаются и призы, доходящіе до нѣсколькихъ сотенъ барановъ. Потомъ весьма любима еще борьба силачей, но ни въ какомъ случаѣ не кулачный бой; наконецъ бѣганье въ запуски, но за эти подвиги призы довольно ничтожны. Игры между молодыми людьми обоихъ половъ очень часты, самая забавная состоитъ въ томъ, что дѣвушка на конѣ, вооруженная нагайкой, преслѣдуется молодыми людьми; кто ее догонитъ и поймаетъ, имѣетъ право поцѣловать и позволить себѣ другія легкія вольности, но амазонка ловко дѣйствуетъ плетью и непрошеннымъ искателямъ, къ великой радости публики, отвѣшиваетъ полновѣсные удары. При такой наклонности киргиза къ праздности и ничего недѣланью, всѣ работы лежатъ на женщинѣ. Жены и дочери работаютъ, а отецъ семейства кейфуетъ. Спокойно покуривая трубку или отъ скуки пережевывая во рту сѣру, киргизъ не тронется съ мѣста, чтобы помочь суетящейся надъ укладкою вещей и вьючкою верблюдовъ семьѣ, а только, сидя у догорающаго очага покрикиваетъ на людей, менѣе другихъ дѣятельныхъ. На женщинѣ лежитъ весь трудъ по хозяйству: вставъ утромъ раньше прочихъ, она доитъ скотъ, подгоняетъ стада отъ юртъ къ пастухамъ, набираетъ тезеку, приноситъ воду, разводитъ огонь, готовитъ обѣдъ въ то время, когда мужъ еще спитъ. Снова выдоивъ пришедшій съ поля скотъ и снова выгнавъ его на пастьбу, она подаетъ мужу обѣдать, и счастлива, если послѣдній позволитъ ей сѣсть за столъ вмѣстѣ съ собою, что, впрочемъ,

допускается лишь безъ постороннихъ, при мало же знакомыхъ гостяхъ — никѣмъ и никогда. Послѣ обѣда мужчины, женщины и дѣти довольствуются тѣмъ, что останется, хотя остатки заключаются иногда въ оглоданныхъ костяхъ, потому именно, что киргизъ одинъ почти никогда не обѣдаетъ: на запахъ варящейся баранины всегда стекаются люди менѣе достаточные, и какъ ихъ ни отгоняютъ отъ мѣста трапезы, они все-таки дождутся своего куска мяса, которое какому-нибудь хорошему работнику кладется самимъ хозяиномъ, или однимъ изъ сидящихъ за столомъ, прямо въ ротъ, менѣе важнымъ личностямъ дается въ руки, или просто бросается оглоданная кость, какъ собакѣ. За неимѣніемъ остатковъ, женскій полъ пообѣдаетъ молокомъ, а послѣ обѣда снова за работу. Опять идетъ доеніе овецъ; ягнятъ надо привязать, верблюдовъ уложить, барановъ загнать въ юрты или сараи, дать кому надо корму, набрать на ночь топлива, развести огонь, починить что надо, уложить дѣтей, а самой матери, можетъ быть, спать въ эту ночь и не придется, если только подошла ея очередь караулить стада отъ волковъ. Сверхъ этихъ обычныхъ дневныхъ занятій, женщина одѣваетъ своимъ шитьемъ все семейство, валяетъ кошмы, ткетъ армячину, вьетъ арканы, собираетъ и разбираетъ при перекочевкахъ юрту, вьючитъ верблюдовъ, сѣдлаетъ лошадей своему мужу и себѣ, мужу иногда помогаетъ даже сѣсть на коня. Мужчинѣ остается только ѣхать впередъ, чтобы выбрать удобныя пастбища для новой стоянки, перекочевавъ на которую, онъ опять свободенъ, отъѣдается, спитъ въ волю, да развѣ, если нѣтъ наемныхъ работниковъ, займется иной разъ починкою сбруи, шитьемъ саноговъ, кожаныхъ мѣшковъ, дѣланіемъ деревянной посуды, сѣделъ, доеніемъ кобылъ и т. п., зажиточный же киргизъ и къ этимъ пустымъ занятіямъ ума не прилагаетъ, а разъѣзжаетъ все лѣто по сосѣдямъ, празднуетъ гдѣ-нибудь на поминкахъ, или выискиваетъ себѣ новую жену, а дома, мечтая о будущемъ счастьи, понемногу готовитъ калымъ. Киргизка ростетъ, живетъ и умираетъ въ работѣ и пренебреженіи. Вообще дѣти въ киргизскомъ семействѣ предоставлены на произволъ судьбы, до 13 лѣтъ они ходятъ лѣтомъ нагишомъ, а зимою грѣются между внущенными въ кибитку овцами. Мальчикамъ еще иногда достаются мясные объѣдки со стола, дѣвочки же питаются однимъ молокомъ, съ ранняго дѣтства завалены работой и иногда еще съ колыбели запродаются въ жены какому-нибудь зажиточному киргизу. Киргизъ чрезвычайно сладострастенъ, его пѣсни и сказки полны такого сладострастнаго задора, о которомъ лишь слабое понятіе могутъ дать «Испанскіе Мотивы», Вс. Крестовскаго, сюжеты которыхъ сообщены автору образованнымъ киргизомъ, служившимъ въ гвардіи, покойнымъ Чоканомъ Валихановымъ; но, при всемъ томъ, киргизъ не ревнивъ и предоставляетъ женщинѣ быть столь же сладострастной, какъ и мужчина. Братья не только не наблюдаютъ за сестрами, но скорѣе способствуютъ ихъ развращенію, а со стороны мечтающихъ о хорошемъ калымѣ родителей надзоръ за дѣтьми слабъ съ тѣхъ поръ, какъ у жениховъ установился болѣе снисходительный взглядъ на цѣломудріе невѣстъ, которыя назначаются имъ въ жены иногда съ колыбели. Прежніе обычаи — заколоть приготовленную въ приданое жениху лошадь, изрѣзать юрту, публично наругаться надъ семействомъ, отдающимъ опороченную дочь замужъ, теперь совершенно вывелись: женихъ, найдя невѣсту неотвѣчающею его ожиданіямъ, безъ всякихъ неистовствъ возвращаетъ приданое, получаетъ обратно свой калымъ, тѣмъ дѣло и оканчивается. Тѣмъ не менѣе положеніе женщины чрезвычайно тяжело, какъ работницы и матери семейства, и даже актъ дѣторожденія она совершаетъ среди самой варварской обстановки. Къ юртѣ родильницы сбѣгается весь аулъ; родственники и знакомые дальнихъ ауловъ тоже немедленно увѣдомляются о томъ, что роженица почувствовала первыя боли и что, слѣдовательно, надобно спѣшить ей на помощь. Эта помощь заключается въ томъ, что каждый, входящій въ юрту, слегка ударяетъ роженицу нагайкою или полою платья, приговаривая: чикъ, т. е. выходи. Это еще ничего, такъ какъ въ юрту входятъ только близкіе родные и знакомые хозяина, которые, исполнивъ этотъ не болѣе какъ обычай, основанный на предразсудкѣ, что выходу всякаго младенца на свѣтъ божій препятствуетъ злой духъ, спокойно располагаются въ кибиткѣ, выжидая, пока у роженицы окончатся первыя боли; но крикъ, визгъ собравшагося около юрты народа, хлопанье нагайками по кибиткѣ, а иногда остроты и насмѣшки надъ больной — вотъ что всего болѣе безпокоитъ, губитъ роженицу въ первомъ періодѣ родовъ — и прекратить этотъ шумъ, разогнать народъ никто изъ доброжелателей хозяина не рѣшается, такъ какъ весь собравшійся людъ истинно убѣжденъ въ томъ, что онъ приноситъ своими дѣйствіями извѣстную долю пользы, а окружающія роженицу женщины, хотя и знаютъ, какъ вредно дѣйствуетъ на больную подобный шумъ, однако, тоже боятся высказать свое мнѣніе о необходимости дать больной полное спокойствіе, потому что сами вѣрятъ чепухѣ о зломъ духѣ. Чѣмъ дольше длятся роды, тѣмъ больше шансовъ, что или младенецъ родится мертвымъ, или больная мать умретъ, или, наконецъ, случится и то, и другое, потому что тѣмъ болѣе безпокоятъ роженицу шумомъ; приступаютъ даже къ насильственнымъ мѣрамъ, чтобы подогнать природу: сильно давятъ животъ и пр. Хорошо еще, что послѣднимъ дѣломъ занимаются обыкновенно близкія къ роженицѣ женщины, хотя и мало смыслящія въ повивальномъ дѣлѣ вообще, однако, знающія изъ опыта, что можетъ въ этомъ случаѣ перенести женщина, что нѣтъ; но этому случаю имъ и въ голову никогда не можетъ придти какая-нибудь уже слишкомъ противоестественная мѣра; если же, по несчастью, при родахъ случится быть какому-нибудь шарлатану-кудеснику, который, изъ желанія оправдать довѣріе публики къ его чарамъ, сочинитъ и предложитъ исполнить мужчинамъ какое-либо мѣропріятіе, — больная или ея младенецъ едва-ли останутся въ живыхъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Въ Новой Гвинеѣ.

Изъ путешествія **Люи Трегана**. Переводъ **Н. М. Поль**.

(*Окончаніе.*)

Глава XVIII.

Лямлямъ пала жертвою болѣзни, производившей сильное опустошеніе между орангонами: это было воспаленіе бронхій, охватывавшее легкія и влекущее быструю смерть. Весь народъ былъ объятъ ужасомъ.

Уанута, недовольный успѣхами моей религіозной проповѣди, воспользовался этою эпидеміею, чтобы погубить меня. Онъ распустилъ въ народѣ слухъ, что Отару, разгнѣванный на орангоноковъ, отвратилъ лицо свое отъ нихъ, и добился созванія совѣта ноо для обсужденія причины несчастія.

Пока все это происходило, я жилъ въ полнѣйшемъ уединеніи, поглощенный горемъ о смерти Лямлямъ. Я узналъ слишкомъ поздно о проискахъ Уануты. Принадлежа къ числу ноо, онъ объявилъ на совѣтѣ, что Отару отнялъ свое покровительство и что сѣмена перестанутъ произрастать, деревья приносить плоды и люди преуспѣвать въ здоровьи и счастіи, пока Отару не смягчится. Гнѣвъ его возбужденъ поклоненіемъ сопернику; въпродолженіи трехъ лѣтъ онъ терпѣлъ зло, надѣясь, что его народъ вернется къ нему: но видя, что орангоноки не исправляются, Отару послалъ свой бичъ на землю; болѣзнь, истребляющая орангоноковъ, послана имъ.

— Гдѣ же другой Богъ? спросилъ одинъ изъ старѣйшинъ. — Кто въ Кутарѣ поклоняется другому богу, а не великому Отару?

— Между нами, отвѣчалъ Уанута, — находится касхи подъ видомъ бѣлаго. Онъ жрецъ иного Бога и Отару покаралъ его, отнявъ у него жену и ребенка.

При этихъ словахъ послышалось громкое рыданіе. Это плакалъ старый Кайгаръ, который, при содѣйствіи тестя Ланны и ноо, командовавшаго экспедиціей противъ Ураты, тщетно старался разсѣять суевѣрный страхъ, возбужденный Уанутой. Было рѣшено арестовать меня и впослѣдствіи обсудить мою участь.

Въ этотъ день, я кончилъ устройство могилъ, въ которыхъ заключалось все, что у меня было дорогого. Я поставилъ бѣлый крестъ, и написалъ на немъ по-французски имена Лямлямъ и Филиппа. Я обсаживалъ могилы цвѣтами, когда ко мнѣ явился старѣйшина, и арестовалъ меня. Я былъ посаженъ въ уединенный домикъ. Меня предупредили, что казнятъ меня, если я попытаюсь бѣжать. Я былъ въ недоумѣніи, какое преступленіе я могъ совершить. Я не дорожилъ жизнью, нѣсколько дней тому назадъ я счелъ бы смерть избавленіемъ; я хотѣлъ только знать, въ чемъ меня обвиняютъ и какая судьба ожидаетъ меня.

Я оставался въ этомъ домѣ три дня, при чемъ меня навѣщалъ только одинъ Уанута, котораго я по прежнему считалъ своимъ другомъ. Онъ утверждалъ, что не знаетъ, въ чемъ меня обвиняютъ и уговаривалъ обратиться къ помощи моего Бога. Со мною обходились очень строго; единственная дозволенная мнѣ роскошь была ежедневная ванна. Каково же было мое удивленіе, когда на третій день я вышелъ изъ нея такимъ же бѣлымъ, какъ въ день пріѣзда въ Кутаръ. Уанута вошелъ въ эту минуту. Онъ съ ужасомъ взглянулъ на меня и тотчасъ же вышелъ, говоря:

— Отару отнялъ отъ тебя свою милость, Треганъ. Что ты сдѣлалъ? Ты погибъ!

Я началъ подозрѣвать истину, и не могъ отдѣлаться отъ нѣкотораго волненія, когда за мной пришли ночью, требуя, чтобы я явился въ совѣтъ ноо. Я зналъ, что никто не можетъ измѣнить рѣшенія совѣта ноо; однакожь, убѣжденіе, что въ совѣтѣ у меня есть друзья, поддержало мою бодрость. Меня отвели въ огромную, пустую комнату, гдѣ мнѣ завязали глаза, сторожъ взялъ меня за руку, заставилъ спуститься нѣсколько ступеней, потомъ оставилъ и я почувствовалъ, что меня кто-то схватилъ за плечи. Я тотчасъ же вспомнилъ о таинственной судьбѣ Лаганкеу, и хотя я никогда не слыхалъ о тайныхъ убійствахъ въ Кутарѣ, мнѣ пришло въ голову, что меня хотятъ убить. Возвращеніе моего провожатаго успокоило меня. Онъ провелъ меня еще нѣсколько шаговъ; затѣмъ, не произнося ни слова, вложилъ мою руку въ руку другого. Тотъ провелъ меня дальше и удалился въ свою очередь. Я понялъ, что нахожусь въ комнатѣ, гдѣ собралось много лицъ. Съ меня сняли повязку, но тьма, окружавшая меня, не разсѣялась. «Боже мой, думалъ я, неужто меня ослѣпили?» и отчаяніе овладѣло всѣмъ моимъ существомъ; но развѣ возможно было выжечь мнѣ глаза безъ всякой боли? Я старался разглядѣть

хоть что-нибудь, прислушивался, сдерживая дыханіе. Кто-то зашевелился возлѣ меня... Затѣмъ смолкъ и этотъ шумъ и казалось, что тьма сгустилась еще болѣе. Нѣчто не въ состояніи описать ужаса моего положенія. Я стоялъ почти неподвижно, какъ вдругъ кто-то схватилъ меня за руку и вывелъ впередъ, ласковымъ пожатіемъ выдавъ присутствіе друга. Я тотчасъ же успокоился и понялъ, что нахожусь въ темной комнатѣ, гдѣ засѣдаютъ ноо: оставалось только ждать допроса. Наконецъ, чей-то внушительный голосъ прервалъ молчаніе.

— Треганъ, говорилъ онъ,—ты передъ совѣтомъ ноо. Одинъ изъ нихъ обвиняетъ тебя въ томъ, что ты поклоняешься другому Богу и навлекаешь на насъ гнѣвъ Отару. Что ты можешь отвѣтить?

Голосъ не успѣлъ еще смолкнуть, какъ мнѣ стало яснымъ предательство Уануты. Я отвѣчалъ не колеблясь:

— Правда, что я не поклоняюсь Отару: я никогда и не скрывалъ этого. Я поклоняюсь Богу, который создалъ солнце — Отару, мѣсяцъ, звѣзды и землю, на которой мы находимся. Чѣмъ это можетъ возбудить гнѣвъ вашего бога? Пусть тотъ, кто слышалъ слова моихъ священныхъ книгъ, скажетъ, дурна-ли моя вѣра!

Послѣдовало продолжительное молчаніе, затѣмъ Уанута сталъ самъ продолжать допросъ:

— Правда-ли, что твои священныя книги говорятъ: «Пусть тотъ, кто убьетъ раба, будетъ повѣшенъ на деревѣ и станетъ добычею червей?»

— Да, это ихъ слова, и они истинны. Мой Богъ запрещаетъ проливать человѣческую кровь. Онъ гнѣвается, когда это совершаютъ.

— Отару повелѣваетъ приносить въ жертву рабовъ. Это его право, такъ какъ мы всѣ принадлежимъ ему. Твой Богъ запрещаетъ эти жертвы, стало быть онъ враждебенъ Отару. Кто же изъ нихъ сильнѣе?

— Мой Богъ; онъ далъ жизнь Отару и всему существующему.

— Треганъ сдѣлался орангонокомъ. Отару далъ ему жену, далъ ему сына. Все шло хорошо, но Треганъ перестаъ чтить Отару. Онъ въ душѣ поклонялся другому Богу! Тогда Отару отнялъ у него сына, чтобъ вернуть къ себѣ. Но Треганъ продолжалъ молиться своему Богу и уговаривалъ къ тому же орангоноковъ. Отару снова отвратилъ отъ него свое лицо, и Лямлямъ, дочь ноо, умерла. Гнѣвъ Отару не смягчился. Кутаръ не увидитъ лица его прежде, чѣмъ врагъ его не будетъ уничтоженъ! Отару далъ Трегану цвѣтъ солнца. Онъ отнялъ его и Треганъ болѣе не орангонокъ. Кожа его бѣла!

Въ эту минуту, лучъ свѣта упалъ на меня; съ меня сорвали тунику и я очутился совершенно нагимъ среди ноо, которые бросали на меня злобные взгляды, видя, что я бѣлъ по-прежнему. Свѣтъ изчезъ и голосъ Уануты снова раздался:

— Судите, мудрецы, служащіе совѣтниками королю Хотауорко; судите же, поклонники Отару! Вы видѣли доказательство гнѣва нашего бога; судите!

Настало молчаніе,—зловѣщее молчаніе, за которымъ послѣдуетъ вѣроятно мой смертный приговоръ. Я покорился своей участи и горячо молился, когда меня увели изъ засѣданія: мнѣ завязали глаза, и когда сняли повязку, я снова очутился въ своей тюрьмѣ.

Глава XIX.

Меня оставили одного на остальную часть ночи, а съ разсвѣтомъ ко мнѣ вошелъ Кайгаръ, для объявленія приговора ноо. Уанута требовалъ моей смерти для удовлетворенія Отару; но Кайгаръ, тесть Ланны, и предводитель экспедиціи въ Уарату воспротивились этому, напомнивъ, что король обязанъ мнѣ сохраненіемъ золотыхъ пріисковъ. Впрочемъ, Уанута навѣрное бы добился согласія ноо, если бы Кайгаръ не придумалъ слѣдующей уловки. Онъ сказалъ, что если я дѣйствительно жрецъ чужого бога, то неблагоразумно раздражать его, осуждая меня на смерть. Отару, разумѣется всемогущъ; но какъ случается, что иногда и великіе короли бываютъ временно побѣждены недостойными ихъ противниками, такъ точно и мой Богъ можетъ повредить Отару. Кайгаръ выразилъ мнѣніе, что самое лучшее — изгнать меня изъ страны и отослать за море. Его мнѣніе восторжествовало, и мой тесть явился за мною, такъ какъ онъ поручился за меня.

Я не въ силахъ описать волненія, которое овладѣло мною, когда я вошелъ въ домъ Кайгара. Мнѣ казалось, что только наканунѣ Лямлямъ простилась со мною. И Ланна пришелъ навѣстить меня. Онъ добился позволенія начальствовать отрядомъ, который долженъ былъ вывести меня изъ Кутара; было рѣшено, что я отправлюсь на слѣдующій день, пока Уанута не успѣлъ измѣнить рѣшенія ноо.

Я простился съ Кайгаромъ и отправился домой, гдѣ провелъ всю ночь въ приготовленіяхъ къ отъѣзду. Когда все было готово, я пошелъ въ садъ, на дорогія могилы. Тамъ въ послѣдній разъ я увидѣлъ восходъ солнца въ Кутарѣ, первые лучи его позолотили снѣжную вершину Тонаворку, потомъ, пробравшись въ равнину, заиграли на вѣтвяхъ окружавшихъ меня деревьевъ и окружили сіяніемъ маленькій бѣлый крестъ, подъ которымъ я думалъ уснуть навѣки.

Пришедшій невольникъ вывелъ меня изъ грустной задумчивости. Ланна ожидалъ меня. Я оторвался отъ этого жилища, гдѣ угасли всѣ мои надежды на земное счастіе и пошелъ на вѣки проститься съ Кайгаромъ и его женою.

— Мы всегда будемъ помнить тебя, Треганъ, сказали они,—и никогда не забудемъ твоего Бога и ученія твоихъ священныхъ книгъ.

Ланна былъ также взволнованъ, какъ и я, когда мы оставили Кутаръ; но, проскакавъ часъ на свѣжемъ утреннемъ воздухѣ, мы успокоились и могли хладнокровно обсудить событія послѣднихъ дней.

— Твой приходъ былъ счастьемъ для насъ, Треганъ, сказалъ мнѣ Ланна, — а твой отъѣздъ огорчаетъ меня.

— Постарайся вообразить, другъ мой, что меня убили въ сраженіи, вѣдь намъ также невозможно свидѣться, какъ если бы я дѣйствительно умеръ.

— Я бы покорился, будь это въ самомъ дѣлѣ. Но мы лишаемся тебя вслѣдствіе предательства Уануты. Старѣйшины, содѣйствовавшіе ему, также завидовали тебѣ, какъ и верховный жрецъ, и потому и сдѣлали видъ, что вѣрятъ баснямъ объ Отару, нелѣпость которыхъ имъ извѣстна такъ же хорошо, какъ тебѣ и мнѣ.

Мы прибыли черезъ два дня къ вершинѣ естественной границы, отдѣляющей королевство Кутаръ отъ берега, и на разсвѣтѣ слѣдующаго дня Ланна долженъ былъ со мною разстаться. Мы отошли отъ конвоя, чтобы проститься въ послѣдній разъ.

Я смотрѣлъ ему вслѣдъ на дорогу и любовался страной, гдѣ провелъ 9 лѣтъ моей жизни. Была весна, деревья покрылись новыми листьями, поля колосьями. Озеро Амба блестѣло у моихъ ногъ, какъ зеркало; восходящее солнце отражалось въ сверкавшихъ водахъ его притоковъ, живописно извивавшихся по равнинѣ и заливало свѣтомъ отдаленную вершину Тонаворку!

Я долго оставался на мѣстѣ, мечтая и плача; потомъ пустилъ въ галопъ свою маленькую лошадку и направился къ Ражеку, куда прибылъ черезъ 2 дня. Я содрогнулся, увидѣвъ изгородь, гдѣ меня держали въ заключеніи и каменныя плиты, на которыхъ погибли несчастные матросы «Надежды». Какъ-то примутъ меня теперь? Я погналъ лошадь впередъ и въѣхалъ въ средину селенія. Нѣкоторые изъ жителей узнали меня и кланялись мнѣ, выражая самое глубокое почтеніе. Меня спросили, что сталось съ Лаганкео. Я отвѣчалъ таинственно, что верховный жрецъ поручилъ мнѣ принести жертву Отару среди моря и велѣлъ обитателямъ Ражека оказать мнѣ свое содѣйствіе.

Вотъ каковъ былъ составленный мною планъ: я хотѣлъ попытаться достигнуть австралійскаго берега, хотя бы въ туземной лодкѣ. Я рисковалъ жизнью, пускаясь въ это отчаянное предпріятіе, но я предпочиталъ смерть пребыванію у касги! Если бы мнѣ удалось добраться до Австраліи, я хотѣлъ слѣдовать по берегу, до какой-нибудь европейской колоніи и былъ бы спасенъ! Сначала жители Ражека выказали очень мало желанія послѣдовать приказанію Лаганкео, но на другой день мнѣ, силою убѣжденія, удалось уговорить ихъ отвести меня на морской берегъ, и какова была моя радость, когда я нашелъ тамъ шлюпку съ «Надежды», сохраненную туземцами. Я тотчасъ же удостовѣрился, что она въ исправности и велѣлъ принести мнѣ, подъ предлогомъ жертвы Отару, воды и съѣстныхъ припасовъ на недѣлю.

Я страстно желалъ пуститься въ путь ночью, но не рѣшился на это; я подождалъ, пока Отару поднялъ свой сіяющій ликъ надъ волнами и только тогда удалился изъ Ражека, въ сопровожденіи цѣлой флотиліи туземныхъ лодокъ. Онѣ оставили меня одна за другою и, когда солнце сѣло, я былъ одинъ среди безбрежнаго океана!

Глава XX.

Прошло 4 дня, какъ я оставилъ Ражекъ, и 2 со времени исчезновенія изъ виду берега Новой Гвинеи; передо мною было только небо да вода, когда я къ вечеру замѣтилъ вдали какое-то судно. Никогда не забуду я этой минуты! Я думалъ, что сойду съума отъ радости! Наконецъ-то я увижу цивилизованныхъ людей, вернусь на родину; и, въ этой надеждѣ, я поставилъ всѣ паруса, чтобы догнать корабль, мачты котораго я уже различалъ. Мнѣ показалось даже на одну минуту, что меня замѣтили и направились ко мнѣ и, въ порывѣ благодарности, я всею душею обратился къ Богу! Между тѣмъ наступила ночь, темная, непроглядная. Что нужды! я различалъ корабельный огонь и отчаянно гребъ. Я слышалъ мѣрные удары волнъ о корабль. Я сталъ кричать, но голосъ мой пропадалъ въ пространствѣ. Но я не терялъ бодрости и продолжалъ подвигаться впередъ. Вдругъ огонь исчезъ. Сбился-ли я съ пути или меня бросили? Я остановился, изнемогая отъ усталости и отчаянія; потомъ, завидя снова огонь, опять принялся грести. Ночь прошла въ безпрерывныхъ переходахъ отъ надежды къ отчаянію; насталъ день, но на горизонтѣ уже не было видно никакого паруса!

Сначала отчаяніе овладѣло мною, но потомъ я подумалъ, что должно быть я нахожусь на пути, часто посѣщаемомъ кораблями и, слѣдовательно, недалеко отъ берега Австраліи. Что дѣлать: ждать-ли корабля или пробираться къ берегу? Я рѣшился на послѣднее, и къ концу дня увидѣлъ вдали темную линію, которая оказалась землею. Я не рѣшался пристать къ ней въ темнотѣ, опасаясь разбиться о какой-нибудь утесъ и впродолженіи всей ночи оставилъ свою шлюпку на произволъ волнъ. Утромъ я направился къ берегу: онъ представлялъ непроницаемую гряду высокихъ утесовъ, о которые море разбивалось съ протяжнымъ воемъ! Наконецъ, послѣ долгихъ поисковъ, я отыскалъ тихій заливчикъ, куда могъ провести свою шлюпку. Я былъ спасенъ! Наступала ночь; я изнемогалъ отъ усталости и, не выходя изъ лодки, заснулъ глубокимъ сномъ. Когда я проснулся, утромъ, меня окружала толпа австралійскихъ дикарей! Страшное отчаяніе овла-

дѣло мною, и я, въ столбнякѣ, смотрѣлъ, какъ дикари разрушали мою шлюпку и забирали припасы.

Племя, захватившее меня въ плѣнъ, было кроткое, великодушное и даже довольно умное. Со мною хорошо обращались во время моего плѣна и я сопровождалъ воиновъ на охоту и въ экспедиціи во внутренность страны. Эта часть Австраліи плодородна и богата лѣсами, но въ противоположность Новой Гвинеи, здѣсь не встрѣчается ни высокихъ горъ, ни большихъ рѣкъ.

Я старался проводить какъ можно болѣе времени на берегу, въ надеждѣ, что какое-нибудь судно пристанетъ и замѣтитъ меня. Прошло уже 2 года съ тѣхъ поръ, какъ я былъ въ Австраліи, когда, однажды, вечеромъ, я замѣтилъ парусное судно въ недалекомъ разстояніи отъ земли. Я тотчасъ же взбѣжалъ на высокій утесъ, и развелъ громадный костеръ, подъ предлогомъ изгнанія злыхъ духовъ, а на самомъ дѣлѣ, чтобы обратить вниманіе экипажа. Всю ночь я тщательно поддерживалъ огонь, не смѣя, впрочемъ, обольщать себя надеждой, что сигналъ мой будетъ замѣченъ. Какова же была моя радость, когда я увидѣлъ на разсвѣтѣ, что корабль дѣлаетъ галсы, и пятеро людей отчаливаютъ въ шлюпкѣ и направляются къ берегу. Я побѣжалъ туда. На рулѣ сидѣлъ самъ капитанъ корабля.

— Эй, кто ты, товарищъ? закричалъ онъ мнѣ.

— Матросъ, потерпѣвшій крушеніе, плѣнникъ негровъ.

— Такъ здѣсь есть негры? спросилъ онъ, прыгая на землю.—Гдѣ же они?

Я позвалъ дикарей и вскорѣ все племя окружило насъ. Они сначала не хотѣли отпустить меня, наконецъ, согласились возвратить мнѣ свободу за нѣсколько бездѣлушекъ, которыя имъ далъ капитанъ, и меня отвезли на «Мари-Жанну».

Я разсказывалъ мои приключенія удивленнымъ матросамъ, когда капитанъ подозвалъ меня.

— Какой вы націи? спросилъ онъ меня.

Вопросъ былъ очень естественный; прошло уже 12 лѣтъ, что я не говорилъ по французски и часто, самъ того не замѣчая, объяснялся по орангонокски.

— Я французъ.

— Французъ! Изъ какой части страны?

— Изъ Мэна.

— Я также родился тамъ, въ деревнѣ **. Какъ васъ зовутъ?

Мы внимательно всматривались другъ въ друга, и я былъ пораженъ сходствомъ, существовавшимъ между спасшимъ меня капитаномъ и долго оплакиваемымъ другомъ: Филиппомъ Риго.

— Боже мой! Неужели вы Филиппъ Риго? спросилъ я.

Радостный крикъ былъ мнѣ отвѣтомъ; мы бросились въ объятія другъ друга. Когда утихло первое волненіе, Филиппъ разсказалъ мнѣ свою исторію. Послѣ крушенія «Надежды», шлюпку, которою онъ управлялъ, унесло за скалу, а не поглотило волнами, какъ я думалъ. Филиппъ старался держаться къ австралійскому берегу, и на третій день его взялъ корабль, сбившійся съ пути во время бури.

Другъ мой предложилъ мнѣ принять прежнее званіе лейтенанта. Я съ радостью согласился, и теперь, впродолженіи многихъ лѣтъ, я плаваю съ Филиппомъ, довольный судьбою и по прежнему вѣрный памяти Лямлямъ!

Аналогіи въ жизни растеній и животныхъ.

(Ст. **Л. М. Невольскаго.**)

(*Продолженіе.*)

Есть растенія, сѣмена которыхъ обладаютъ извѣстнаго рода механическою способностью въ выборѣ мѣста для своего проростанія. Чарльзъ Дарвинъ уже давно описалъ перистое сѣмя, которое въ соприкосновеніи съ влажностью выдѣляетъ густой, липкій сокъ, помощью котораго оно прилипаетъ къ каждому предмету. Такимъ образомъ, вѣтеръ будетъ переносить такое сѣмя по сухой песчаной равнинѣ до тѣхъ поръ, пока оно случайно не попадетъ на землю болѣе влажную и здѣсь-то, найдя потребную для своего проростанія влагу, сѣмя укрѣпляется и начинаетъ проростать. Есть также сѣмена, которыя могутъ сами зарываться въ землю; таковы, напр., сѣмена растенія stipa pennata (родъ ковыля) и др. Сѣмя упомянутаго растенія снабжено сильнымъ заостреннымъ придаткомъ, вооруженнымъ пучкомъ искривленныхъ волосковъ, которые дѣйствуютъ какъ зазубрины стрѣлы и не позволяютъ зерну выходить изъ той почвы, куда оно попало. Это стрѣловидное остріе находится на нижнемъ концѣ придатка, который, кромѣ того, имѣетъ удивительную способность скручиваться во время высыханія и раскручиваться во время сырости. Такимъ образомъ, сухость дня и сырость ночи приводятъ стрѣловидное остріе въ безпрестанное круговое движеніе, а другое спеціальное устройство этого острія, которое мы не станемъ описывать, прижимаетъ конецъ острія къ землѣ и внѣдряетъ его въ почву. Фритцъ Мюллеръ говоритъ, что эти сѣмена внѣдряются въ весьма твердый, скалистый грунтъ Бразиліи и проростаютъ на немъ весьма успѣшно.

Но на бѣду, сѣмена эти не ограничиваются пробуравливаніемъ земли, но иногда производятъ эту операцію съ тѣломъ человѣка и животныхъ. Въ Индіи и въ Италіи они проникаютъ чрезъ плотную и толстую одежду охотниковъ, или же впиваются въ тѣло овецъ и другихъ животныхъ, вызывая нестерпимую боль и иногда даже смерть животнаго. Овцеводы въ Буэносъ-Айресѣ и въ Австраліи терпятъ большой уронъ въ своихъ стадахъ, вслѣдствіе того, что сѣмена такихъ травъ проникаютъ въ тѣло животныхъ, доходятъ, какъ показали вскрытія, до сердца, печени и почекъ, и обусловливаютъ смерть животнаго. Въ сѣверныхъ частяхъ Квинсланда только ради этого совсѣмъ прекращено овцеводство. Англійскій консулъ Лейярдъ въ Нумеа, въ Новой Каледоніи, сообщаетъ, что фактъ этотъ онъ неоднократно наблюдалъ какъ въ Нов. Каледоніи, такъ и на мѣстѣ прежняго своего пребыванія, на мысѣ Доброй-Надежды. Проходя недавно передъ лавкою мясника въ Нумеа, онъ обратилъ вниманіе на висѣвшую тамъ переднюю четверть бараньей туши, которая была до такой степени пробуравлена сѣменами травы, что имѣла видъ окорока, сплошь покрытаго мякиной. Масса этихъ зеренъ пустила корешки въ глубь мяса, которые переплелись между собою въ сплошную сѣтку. Спрошенный мясникъ заявилъ, что весьма рѣдко ему случается убить барана, мясо котораго въ большей или меньшей степени не было бы переполнено этими сѣменами; овцы же на убой привозятся въ Нов. Каледонію съ острова Норфолькъ или же изъ Австраліи. Лейярдъ добавляетъ, что на мысѣ Доброй-Надежды ему часто приходилось снимать шкуру съ убитыхъ имъ антилопъ, ноги которыхъ насквозь были проткнуты подобными сѣменами и шипами. Удивительно, какъ эти животныя переносятъ мучительную боль, вызываемую каждымъ движеніемъ тѣла, каждымъ сокращеніемъ мускула!

Способность перемѣнять мѣсто нужна животнымъ и для того, чтобы въ соотвѣтствующее время отыскивать себѣ пару. Весьма интересный примѣръ подражанія половому ухаживанью животныхъ, мы видимъ на растеніи валиснерія. Стебель, укрѣпленный на днѣ воды, удлинняется чрезвычайно быстро, покамѣсть женскіе цвѣты не выйдутъ на поверхность воды; тамъ они ожидаютъ соприкосновенія съ мужскимъ цвѣткомъ, который отрывается отъ стебля и плыветъ по теченію на встрѣчу съ женскимъ цвѣткомъ.

Въ большинствѣ случаевъ растенія однакожь не обладаютъ способностью мѣнять мѣсто даже въ такой степени, и весь актъ оплодотворенія предоставляется имъ постороннимъ факторамъ, какъ то: вѣтру и насѣкомымъ; запахъ и яркость цвѣтовъ служатъ исключительно приманкою для насѣкомыхъ, которыя переносятъ цвѣточную пыль съ одного растенія на другое. На островѣ Кергеленсѣ растетъ дико особый видъ капусты, который оплодотворяется помощью вѣтра и въ этомъ отношеніи составляетъ исключеніе изъ всего семейства крестоцвѣтныхъ, къ которому принадлежитъ и капуста. Особенность эту, кажется, слѣдуетъ приписать тому обстоятельству, что насѣкомыя острова всѣ безкрылы, а слѣдовательно не могутъ быть исправными разносителями цвѣточной пыли. Если станемъ развивать это предположеніе, то безкрылость насѣкомыхъ на островѣ придется объяснить свирѣпствующими здѣсь вѣтрами, которые сдували летавшихъ насѣкомыхъ въ море, такъ что уцѣлѣли лишь тѣ особи, которыя почему-либо не могли летать; впослѣдствіи, путемъ подбора, всѣ насѣкомыя острова стали безкрылыми. Такимъ образомъ, цвѣточная пыль капусты должна была научиться летать по воздуху, такъ какъ насѣкомыя перестали быть ей полезными въ дѣлѣ оплодотворенія.

Ранѣе другихъ проявляющіяся потребности животныхъ бываютъ иногда удовлетворяемы инстинктивными движеніями. Цыплята вылупливаются изъ яицъ именно помощью такихъ движеній, а Маршаль наблюдалъ, что куколки нѣкоторыхъ видовъ моли освобождаются изъ коконовъ помощью инстинктивныхъ движеній. На боку такой куколки развивается острый шипъ и когда куколка обращается вокругъ своей оси, то этотъ шипъ обрѣзываетъ вокругъ коконъ, вслѣдствіе чего, верхушка послѣдняго отпадаетъ какъ крышка. Шпадлингъ констатировалъ фактъ, что вылюнувшіеся изъ яицъ цыплята обладаютъ инстинктивною способностью собирать кормъ и познавать голосъ насѣдки, доказательствомъ чему послужили только-что выклюнувшіеся цыплята, которые, никогда не видѣвъ матери и не слышавъ ея голоса, тѣмъ не менѣе бѣжали къ кадкѣ, подъ которою была скрыта клохчущая насѣдка.

Способность сѣмени проростать въ извѣстномъ направленіи тоже можно подвести подъ обширную категорію инстинктивныхъ проявленій, такъ какъ она настолько же необходима для растенія, насколько только-что описанный инстинктъ необходимъ выклюнувшимся цыплятамъ. Инстинктъ сѣмени заключается въ способности направлять свой ростъ соотвѣтственно силѣ тяжести и по отношенію къ свѣту. Первую изъ этихъ способностей зовутъ геотропизмомъ, вторую—геліотропизмомъ. Молодой корешокъ проростающаго сѣмени сейчасъ же направляется внизъ, инстинктивно угадывая, подобно цыпленку, гдѣ его мать—земля. Одновременно стебель растетъ вверхъ и старается по возможности подняться выше сосѣднихъ растеній. И такъ корешокъ и стебель инстинктивно знаютъ, гдѣ центръ земли и первый стремится къ центру, второй же въ направленіи прямо противоположномъ. Но абсолютное обобщеніе даннаго факта невозможно и мы не вправѣ сказать, что всякій корень растетъ внизъ; всякій же стебель непремѣнно стремится кверху. Стебли, напр., земляники весьма охотно стелются по землѣ, а боковые корни, выростающіе изъ главныхъ, не оказываютъ склонности запускаться внизъ. Равнымъ образомъ мы не можемъ привести достаточно уважительной анатомической причины, вслѣдствіе которой корни непремѣнно должны рости внизъ, а стебель кверху, мы знаемъ только, что растеніе не мог-

ло бы удержаться въ борьбѣ за существованіе, если бы оно зарывалось листьями въ землю, а корнями поднялось бы на воздухъ. Въ самомъ дѣлѣ, условія существованія принуждаютъ различные органы растеній расти извѣстнымъ образомъ, соотвѣтственно ихъ потребностямъ. Но, съ другой стороны, растеніе не бываетъ безусловно связано геотропизмомъ, а равнымъ образомъ не непремѣнно должно расти вертикально и весьма легко можетъ измѣнить это направленіе на другое, болѣе пригодное для его жизни. Такъ, корешки гороха, посѣяннаго на рѣшетѣ, выдвинувшись внизъ, обращаются затѣмъ изъ вертикальнаго направленія чрезъ наклонную поверхность влажной земли. Эта способность измѣнять направленіе должна быть весьма важною для корней, такъ какъ, благодаря ей, корни могутъ выбирать болѣе влажныя мѣста почвы чего бы не было, если бы корни абсолютно слѣдовали законамъ геотропизма.

Другая особенность, присущая растеніямъ и допускающая сравненіе съ инстинктомъ животныхъ, заключается въ способности растеній узнавать пунктъ, изъ котораго исходитъ свѣтъ. Способность эта называется геліотропизмомъ и находится въ борьбѣ съ геотропизмомъ, такъ какъ верхушка стебля, нагибаясь въ сторону свѣта, этимъ самымъ измѣняетъ свое вертикальное положеніе. Эту борьбу двухъ инстинктовъ легко наблюдать на растеніяхъ, всходящихъ по близости окна или лампы, такъ какъ въ этомъ случаѣ геліотропизмъ побѣждаетъ геотропизмъ; если же всходящія растенія помѣстимъ въ темнотѣ, то геотропизмъ беретъ верхъ и растенія принимаютъ вертикальное направленіе. Исходя изъ этого факта, можно бы было заключить, что и почью геотропизмъ парализируетъ успѣхи геліотропизма за предшествующій день; но мы убѣдимся въ противномъ, если прослѣдимъ судьбу зерна, проростающаго подъ кучею хвороста. Такое сѣмя проростаетъ сначала очень успѣшно, но пищевые запасы, накопленные въ сѣмени, мало по малу истощаются и растеніе начинаетъ голодать, такъ какъ, при отсутствіи свѣта, оно не въ состояніи переработывать углекислоту атмосферы въ крахмалъ, и погибнетъ голодною смертью, купаясь въ цѣломъ морѣ углекислоты. Слѣдовательно, способность растеній опредѣлять положеніе источника свѣта и затѣмъ обращаться къ нему, такъ же необходима для жизни растенія, какъ способность распознаванія корма и клеванія его необходимы для жизни выклюнувшагося изъ яйца цыпленка.

Возвратимся, однако, къ сѣмени, проростающему подъ кучею хвороста. Къ счастью для нашего растеньица, лучь свѣта проникаетъ чрезъ хворостъ. Если бы растеніе безусловно подчинялось законамъ геотропизма, то оно все-таки погибло бы, не будучи въ состояніи пробиться сквозь густую массу хвороста. Но въ дѣйствительности растеніе, инстинктивно стремясь къ свѣту, проскользаетъ въ промежутки между хворостомъ, а разъ стебель вдвинулся между хворостомъ, то помимо склонности его выпрямляться почью, онъ уже не потеряетъ той выгоды, которую принесъ ему геліотропизмъ. Но если большинство растеній обнаруживаютъ несомнѣнную склонность къ исканію лучей свѣта, то тѣмъ не менѣе, однакожь, есть и такія, которыя обнаруживаютъ прямо противоположную склонность, и какъ по отношенію къ геотропизму нельзя объяснить, почему одна и таже причина дѣйствуетъ различно на два органа одного и того же растенія, такъ точно нельзя подмѣтить никакой разницы въ строеніи усиковъ, растущихъ по направленію къ свѣту или же избѣгающихъ его. Дикій виноградъ (Ampelopsis hederacea) обвивается вокругъ постороннихъ предметовъ, образуя маленькія линкія утолщенія на концахъ усиковъ и, по мѣрѣ того, какъ растеніе взбирается выше по своей подпорѣ, новообразующіеся усики, избѣгая свѣта, могутъ втискиваться въ мелкія расщелины окружающихъ предметовъ и укрѣпляться тамъ при помощи вышесказанныхъ утолщеній. Съ другой стороны, бегонія поднимается кверху, цѣпляясь за всякій сосѣдній предметъ, и такъ какъ каждый усикъ этого растенія стремится къ свѣту, то, благодаря этому, и все растеніе притягивается къ освѣщенной сторонѣ дерева или забора, которые служатъ растенію опорою.

Въ результатѣ всего сказаннаго можно утверждать, что если растеніе обладаетъ способностью опредѣлять центръ земли и положеніе источника свѣта, то уже этимъ самымъ оно рѣшаетъ само, въ которую сторону выгоднѣе всего направить свой ростъ.

Между животными хамелеонъ и жаба также мѣняютъ свой цвѣтъ соотвѣтственно напряженію свѣта, и хотя эта перемѣна цвѣта въ обоихъ случаяхъ зависитъ отъ сжиманія и расширенія извѣстныхъ клѣточекъ кожи, тѣмъ не менѣе, одна и таже причина вызываетъ у двухъ названныхъ животныхъ прямо противоположныя слѣдствія: подъ вліяніемъ солнечнаго свѣта хамелеонъ темнѣетъ, тогда какъ жаба дѣлается болѣе свѣтлою. Нѣтъ сомнѣнія, что метаморфозы эти въ извѣстной степени оказываются полезными для хамелеона и для жабы, а потому позволительно видѣть въ данномъ случаѣ аналогію подобному же вліянію свѣта на растенія.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Государственное и соціальное развитіе Японіи за послѣдніе 10 лѣтъ (1868 — 1878).

(Ст. Е. А. Сысоевой.)

Въ прошломъ году минуло ровно десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ военная диктатура тайкуновъ съ ея феодальными учрежденіями рушилась и для Японіи наступила новая эра. 1868 годомъ заканчивается средній вѣкъ Японіи, т. е. восьмисотлѣтній періодъ господства военной касты и постепеннаго паденія императорскаго владычества; европейская культура неудержимымъ потокомъ вторглась въ предѣлы помолодѣвшей имперіи, пробила тѣсныя рамки политики замкнутости и влила въ общество и государство могучую струю новой жизни. Что въ судьбѣ народа произошелъ сильный переворотъ, въ этомъ убѣжденъ каждый простолюдинъ японецъ; хотя личнаго участія въ совершившихся событіяхъ онъ не принималъ, но онъ ясно сознаетъ, что все кругомъ него измѣнилось и что старые порядки исчезли безвозвратно. Въ народѣ вошло уже въ обычай считать реставрацію («исхинъ») исходной точкой новаго лѣтосчисленія, а о томъ времени, которое предшествовало ей, японцы не любятъ даже и вспоминать.

Реставрація въ Японіи произвела сильнѣйшее впечатлѣніе на всю Европу; уничтоженіе феодаловъ и многочисленныя нововведенія въ смыслѣ европейской цивилизаціи были привѣтствованы вездѣ съ неподдѣльнымъ восторгомъ; многимъ казалось, что недалеко то время, когда Японія смѣло станетъ на ряду съ государствами старой культуры и, развернувъ знамя реформы, водрузитъ его въ дикихъ, враждебныхъ земляхъ восточной Азіи. Эти ожиданія оказались, конечно, преувеличенными, но человѣческой природѣ простительно увлекаться; естественно, что Европа съ восторгомъ привѣтствовала освобожденіе отъ неволи народа, который, втеченіи нѣсколькихъ столѣтій, съ упорствомъ и фанатизмомъ отстаивалъ свое замкнутое положеніе. Европа ликовала, добившись, наконецъ, успѣха своей цивилизаторской миссіи въ восточной Азіи; само собою разумѣется, что такое черезъ-чуръ радостное возбужденіе имѣло въ своей основѣ и матеріяльную причину, именно, пріятное сознаніе, что для накопившагося, въ послѣдніе годы, излишка мануфактурныхъ издѣлій на Западѣ, обрѣтенъ богатый источникъ потребленія, въ которомъ ощущался большой недостатокъ.

Не вдаваясь пока въ разсужденія о результатахъ культурнаго развитія Японіи въ послѣднее десятилѣтіе, мы должны согласиться, что Европа не могла относиться къ этому вопросу иначе, какъ съ живѣйшимъ сочувствіемъ. Ни одинъ народъ въ Азіи такъ охотно и разумно не подчинился европейской культурѣ, какъ японцы; подвижные по природѣ, воспріимчивые ко всему доброму и прекрасному, они производятъ на каждаго пріятное впечатлѣніе, особенно, когда рядомъ съ ними видишь тупоумныхъ, самохвальныхъ, ненавидящихъ все чужеземное китайцевъ и корейцевъ — два племени, совершенно однородныя по происхожденію, нравамъ и степени развитія.

Впрочемъ, теперь въ общественномъ мнѣніи Европы, повидимому, началась уже реакція; народно-экономическое развитіе Японіи, на столько, по крайней мѣрѣ, насколько оно касается иностранной торговли, не оправдало общихъ ожиданій; благосостояніе страны потрясено; лучшія средства ея принесены въ жертву такимъ предпріятіямъ, которыя удовлетворили только честолюбіе однихъ и корыстолюбіе другихъ; настоящіе источники ея богатствъ остались неразработанными; въ международныхъ сношеніяхъ японское правительство заявляло лишь требованія, тогда какъ съ своей стороны, оно не соглашалось ни на какія уступки; общему внутреннему строю государства постоянно угрожаютъ безпорядки; такъ, напримѣръ, послѣдніе 4 года представляютъ непрерывную цѣпь заговоровъ, гражданскихъ войнъ, аграрныхъ притѣсненій, убійствъ и военныхъ мятежей.

Европа отрезвилась теперь; полнѣйшее разочарованіе заступило мѣсто былыхъ восторговъ; прежнее благорасположеніе замѣнилось безпощадной критикой; то, что казалось въ свѣтломъ видѣ, теперь, напротивъ, представляется въ самыхъ черныхъ краскахъ. Но, спрашивается, справедливо-ли осуждать все огуломъ и отказывать Японіи въ способности къ дальнѣйшему развитію? Не слѣдуетъ-ли считать настоящую безурядицу естественнымъ послѣдствіемъ совершающагося въ народѣ процесса возрожденія, и не лучше ли предположить, что условія успѣха еще впереди? Въ нижеизложенномъ очеркѣ реставраціи въ Японіи и событій послѣдняго десятилѣтія, равно какъ въ описаніи главнѣйшихъ перемѣнъ въ государственной и соціальной жизни японцевъ, быть можетъ, удастся представить общую картину настоящаго положенія страны и вывести точное опредѣленіе свойства цивилизаторскихъ стремленій Японіи, степени ея культурной воспріимчивости и, наконецъ, значеніе ея, какъ государства, въ международныхъ сношеніяхъ.

1. Причины реставраціи въ имперіи.

Реставрація вызвана иностранцами, и если бы Японія оставалась попрежнему замкнутымъ государствомъ, тайкунатъ до сихъ поръ, какъ 200 лѣтъ назадъ, продолжалъ бы править деспотически. Всеобщее мнѣніе, что старые порядки въ Японіи отжили свое время и сдѣлались невыносимы, и что, рано или поздно, они должны рушиться сами собой, нисколько не соотвѣтствовало существовавшему тамъ строю вещей. Японія была погружена въ мертвый сонъ; вся ея духовная жизнь была подавлена правительственной системой и, чтобъ пробудить въ народѣ древній геройскій духъ, требовалось какое-нибудь сильное, потрясающее всемірное событіе. Для

Японіи, составлявшей втеченіи нѣсколькихъ столѣтій, какъ бы отдѣльный, своеобразный міръ, такимъ событіемъ было появленіе чужеземцевъ въ ея предѣлахъ; съ тѣхъ поръ, какъ послѣдній тайкунъ выгналъ отъ себя всѣхъ иностранцевъ, никто изъ нихъ не дѣлалъ попытокъ прорваться чрезъ барьеръ, поставленный на границахъ Японіи; такимъ образомъ, не тревожимые ничѣмъ извнѣ и не волнуемые внутренними раздорами и гражданскими войнами, японцы втянулись, мало-по-малу, въ тихую, замкнутую жизнь, забывъ обо всемъ окружающемъ.

Вдругъ разнесся слухъ, будто англичане овладѣли Кантономъ и будто соединенныя иностранныя державы идутъ войной противъ китайскаго правительства. Военныя суда непрерывно сновали по морю вдоль береговъ Японіи, иностранныя эскадры, одна за другой, располагались на стоянкѣ въ бухтѣ Іедо (1856 — 1858) и требовали уничтоженія того, что до сихъ поръ составляло краеугольный камень законовъ имперіи и служило гарантіей ея существованія. Правительство тайкуна пыталось отсрочками и различными увертками отдѣлаться отъ непрошенныхъ гостей; народъ же, начиная съ сѣверныхъ окраинъ до южныхъ, внезапно вздрогнулъ, какъ отъ электрическаго тока; вѣковой сонъ его сняло, какъ рукой; онъ понялъ, что неприкосновенность Японіи есть только сладкая мечта, что тутъ, на границѣ, стоятъ чужеземцы, во сто разъ болѣе страшные теперь, чѣмъ въ дни ихъ пребыванія въ Нангасаки и Хирадо; они явились съ гигантскими пушками, съ дальнобойными ружьями, съ паровыми и панцырными судами, а Японія, какъ была, такъ и осталась совершенно беззащитной; приморскія укрѣпленія ея развалились, пушки и ружья ея заржавѣли въ арсеналахъ. Дружно бросились японцы вытаскивать оттуда свой боевой хламъ, день и ночь начали работать у нихъ мастерскія, оттачивая клинки сабель; вся молодежь энергически готовилась къ бою; о старой лѣни не было ужъ и помину; но за то старымъ порядкамъ, вмѣстѣ съ властью тайкуна, былъ нанесенъ рѣшительный ударъ.

2. Соціальное и политическое положеніе Японіи до реставраціи.

То, что мы до сихъ поръ называли японскимъ «народомъ», не слѣдуетъ понимать въ извѣстномъ европейскомъ смыслѣ, такъ какъ подъ этимъ словомъ разумѣлись не всѣ вообще подданные тайкуна, а только каста военныхъ, самураи; остальной людъ, т. е. крестьяне и горожане, находились въ эту эпоху въ такомъ состояніи политическаго рабства и общественной приниженности, что вопросъ о благѣ государства отнюдь до нихъ не касался. Это была пассивная масса, скорѣе невольники, чѣмъ граждане, безъ защиты и безъ правъ; единственное ихъ назначеніе состояло въ томъ, чтобы трудомъ своихъ рукъ кормить и содержать самураевъ; такъ, по крайней мѣрѣ, ясно гласилъ коренной государственный законъ. Чернь обязана была смотрѣть на военныхъ, какъ на своихъ господъ; малѣйшее нарушеніе правилъ вѣжливости каралось на мѣстѣ ударами обнаженной сабли; все, что позволялось военнымъ, строго запрещалось гражданскимъ людямъ, даже ѣздить верхомъ. Для архитектуры домовъ, для выбора матерій и фасона платьевъ, для общественныхъ удовольствій, даже для мельчайшихъ подробностей домашняго быта японскаго простолюдина существовали особаго рода предписанія. Возможно-ли было ожидать какого либо умственнаго развитія отъ крестьянина, жившаго при подобныхъ условіяхъ, работавшаго отъ зари до зари, не покладая рукъ, и пользовавшагося такой ничтожной долей отъ своего труда, которой едва хватало на его насущныя потребности? Горожане состояли преимущественно изъ торговцевъ, и правительственное сословіе презирало ихъ еще болѣе, чѣмъ крестьянъ; правда, они не платили опредѣленной подати государству, но за то постоянно подвергались притѣсненіямъ чиновниковъ, а потому каждый, кто былъ подостаточнѣе, боялся выказать свои средства, чтобы не пробудить алчности въ высшемъ начальствѣ. Крестьянину, несмотря на обременительный трудъ, жилось лучше; среди своихъ полей и рисовыхъ плантацій, онъ пріобрѣлъ извѣстную независимость характера, такъ что правительство осторожно высасывало изъ него соки, зная, что онъ не легко подчинится крутымъ мѣрамъ, если тѣ перейдутъ законныя границы, и что тогда съ нимъ уже не сладишь. Горожанинъ, напротивъ, былъ гораздо мягче и податливѣе, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о самой его жизни. Въ отношеніи умственнаго развитія, онъ недалеко ушелъ отъ крестьянина, читать и писать умѣлъ настолько, насколько это было необходимо для веденія торговли. За то ремесленники, составлявшіе среднее сословіе между крестьянами и купцами, именно, слесаря, бронзовщики, фарфоровыхъ издѣлій мастера, живописцы, съумѣли сохранить извѣстную долю умственной воспріимчивости, развили свой вкусъ обученіемъ и пользовались даже особеннымъ уваженіемъ самураевъ.

3. Самураи.

На самураяхъ покоилось, такъ сказать, благоденствіе государства; эти 800 тысячъ человѣкъ считались господами 30-милліоннаго населенія; почти половина государственныхъ земельныхъ доходовъ шла на ихъ содержаніе; занимаемыя ими служебныя должности и присвоенное тѣмъ должностямъ жалованье переходили по наслѣдству отъ отца къ сыну или къ ближайшему родственнику, хотя бы тотъ и вовсе не годился для ожидающаго его положенія. Главное назначеніе самураевъ составляла военная служба, къ которой ихъ готовили съ раннихъ лѣтъ, въ очень строгихъ школахъ. Самые способные изъ нихъ прямо поступали на высшія административныя должности. Хотя законъ и обязывалъ ихъ оставаться вѣрными до гроба своимъ владѣтельнымъ князьямъ, они все-таки въ сношеніяхъ съ ними держали себя не какъ рабы, а скорѣе, какъ подчиненные относительно своего начальства. При возникновеніи какого либо важнаго государственнаго вопроса, самураи собирались для общаго совѣщанія; каждый изъ нихъ, даже небольшого чина, имѣлъ право публично сдѣлать замѣчаніе своему князю или начальнику, если тотъ подавалъ къ этому поводъ. Князь, не съумѣвшій заслужить довѣріе подвластныхъ ему самураевъ, немедленно низлагался. Духъ касты былъ сильно развитъ между самураями; очень рѣдко случалось, чтобы кто-нибудь изъ нихъ вступилъ въ бракъ съ дѣвушкой низшаго сословія; въ народныхъ удовольствіяхъ эти привилегированные люди не смѣли принимать никакого участія; имъ строго также воспрещалось посѣщать публичныя бани, театры и другія увеселительныя заведенія; тотъ изъ самураевъ, который затѣялъ бы ссору въ одномъ изъ упомянутыхъ общественныхъ мѣстъ, подвергался смертной казни. Но благодаря двухсотлѣтнему періоду мира, воинственный духъ совершенно исчезъ въ этой кастѣ; драконовы законы тайкуната заглушили въ ней всѣ высшія стремленія.

Впрочемъ, надо отдать справедливость основателю тайкуната Іеіассу, что онъ первый съумѣлъ обуздать самураевъ, обратившихся въ какихъ-то дикихъ звѣрей послѣ продолжительныхъ войнъ Китая; онъ первый далъ болѣе мирное направленіе этой буйной кастѣ и нѣсколько смягчилъ ея нравы вліяніемъ наукъ. Со времени его правленія, у самураевъ вошло въ моду изученіе китайскихъ класиковъ, до сихъ поръ доступныхъ только жрецамъ и монахамъ; впослѣдствіи, это было вмѣнено имъ даже въ обязанность; вполнѣ образованный самурай непремѣнно издавалъ, хоть разъ въ жизни, философскій трактатъ, написанный самыми вычурными китайскими буквами и испещренный, повозможности, наибольшимъ количествомъ цитатъ изъ китайскихъ класиковъ; кромѣ того, отъ него требовалось, чтобы онъ умѣлъ сочинить на всякій торжественный случай красиво округленные и безукоризненно правильные стихи.

Но изученіе китайской литературы, а также исторіи и философіи Китая дѣйствовало разлагающимъ образомъ на національное чувство японцевъ; мудрость китайскихъ философовъ и блестящее историческое прошлое китайской имперіи совершенно заслоняли воспоминанія о славной, хотя суровой эпохѣ родныхъ героевъ. Японецъ, по складу своего ума, наклоненъ къ мудрствованіямъ и преніямъ, а эта наклонность въ немъ еще болѣе развилась отъ изученія Конфуція, Менція и другихъ китайскихъ ученыхъ, слѣдствіемъ чего было то, что самые даровитые самураи всецѣло отдались китайскимъ класикамъ, тогда какъ остальная масса ихъ беззаботно кутила, пожирая все то, что крестьяне заработывали для нихъ въ потѣ лица. Очень немногіе изъ этой касты, въ послѣднее десятилѣтіе, вошли во вкусъ изученія исторіи родного края; образовался небольшой кружокъ патріотовъ, которые горячо возстали противъ занятій исключительно китайскими науками и возстановили японскій языкъ во всей прежней чистотѣ его. Хотя эта небольшая партія, состоявшая лишь изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, и пользовалась, повидимому, въ первое время, сильнымъ вліяніемъ на новое правительство, однако, даже въ этотъ горячій періодъ, она вовсе не имѣла въ виду политическихъ цѣлей, а преслѣдовала только цѣли научныя.

(Продолженіе будетъ.)

Иза.

Романъ А. Бувье.

(Продолженіе.)

Глава V.

Въ судѣ.

Пока агентъ Гюре занимался извѣстными намъ розысками и совѣщался съ Шади и Пальяромъ, стараясь привести въ порядокъ все видѣнное и слышанное, чтобы имѣть возможность явиться съ ясными доказательствами къ слѣдователю, дѣло шло своимъ чередомъ, Вершемонъ дополнилъ слѣдствіе, обвинительный актъ былъ составленъ и день суда назначенъ.

День этотъ насталъ; Морисъ имѣлъ продолжительный разговоръ со своимъ адвокатомъ; тотъ почти уже убѣдился въ его невинности, но несмотря на всѣ старанія, не могъ добиться отъ своего кліента признанія, какъ онъ провелъ ночь 20 іюня. Морисъ былъ въ отчаяніи; болѣзнь Сесиль не позволяла ничего узнать отъ нея и бѣднякъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что рокъ тяготѣетъ надъ нимъ и осужденіе его неизбѣжно. Амели не покидала больной; впродолженіи нѣсколькихъ дней явилось значительное улучшеніе въ ея здоровьи и Амели просила защитника постараться, чтобы судъ отложилъ засѣданіе. Бѣдная дѣвушка питала нѣкоторую надежду, благодаря утѣшеніямъ и ободреніямъ Пальяра, который приходилъ ежедневно справляться о здоровьи Сесиль. Онъ даже увѣрялъ Амели, что они напали на слѣдъ настоящихъ преступниковъ. Тюссо и жена его, казалось, перестали существовать; они ничего не слышали, не понимали; единственная мысль поглощала ихъ: жизнь дочери.

Утромъ, въ день засѣданія, одѣвшись съ большимъ стараніемъ, Морисъ долго размышлялъ о томъ, что ему дѣлать: онъ остановился на рѣшеніи, котораго держался до сихъ поръ: говорить

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА Г. МАКАРТА.

Пиръ во время чумы.

Рѣзано по фотографіи **Лаптева**, въ **«Варшавской политипажнѣ»**.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА Г. МАКАРТА.

Пиръ во время чумы.

Рѣзано по фотографіи г. Лаптева, въ «Варшавской политипажнѣ».

обо всемъ правду, но не измѣнять своего показанія, что вернулся домой одинъ, съ тѣмъ, чтобы убить себя, такъ какъ женщина, которую онъ любилъ, должна была вѣнчаться въ слѣдующее утро.

Большая зала суда была наполнена публикой; скамья подсудимаго оставалась еще пуста, судъ уже вошелъ, справа виднѣлся высокій, красный силуэтъ прокурора; на переднихъ скамейкахъ, женщины въ пышныхъ туалетахъ, выставляли на показъ яркіе цвѣта своихъ щегольскихъ нарядовъ; мужчины изъ среды публики и молодые адвокаты вставали на цыпочки, чтобъ разглядѣть ихъ; болѣе другихъ обращали на себя вниманіе: Жанна де-Сильякъ, которую посѣщалъ герцогъ X; Бератти, фаворитка государственнаго министра, а еще болѣе Иза, поражавшая всѣхъ своей удивительной красотою.

Въ залѣ господствовали шумъ и движеніе, происходившіе оттого, что каждый торопится занять мѣсто поудобнѣе; безпрестанно раздавалось шиканье съ цѣлію унять этотъ шумъ. По приказанію предсѣдателя, принесли и разложили на столѣ вещественныя доказательства, видъ которыхъ вызвалъ не страхъ, а улыбку. Это были тонкая батистовая рубашка, вся убранная кружевами, съ продѣтою голубою ленточкой, два хрустальные бокала и двѣ шампанскія бутылки, съ золотымъ ярлыкомъ и надписью: «Grand Royal, de Launay et C-e, Reims».

Зимнее солнце, бросая въ окна блѣдные лучи, придавало странный оттѣнокъ длиннымъ краснымъ мантіямъ судей и сообщало веселый видъ страшному столу вещественныхъ доказательствъ.

Картина была очень любопытная: защитникъ, въ своемъ длинномъ, черномъ одѣяніи, кокотки въ кокетливыхъ нарядахъ, судъ въ красныхъ мантіяхъ, мѣдныя каски муниципальной гвардіи,— все это было залито веселымъ блескомъ солнца, когда предсѣдатель сказалъ:

— Введите подсудимаго.

Всѣ заволновались; послышался шорохъ шелковыхъ платьевъ и шепотъ дамъ, которыя привстали съ мѣстъ. Морисъ вошелъ, въ сопровожденіи двухъ жандармовъ; онъ былъ блѣденъ, но спокоенъ, съ слегка наклоненною головою; онъ обвелъ залу долгимъ, кроткимъ взоромъ; отъ возгласовъ симпатіи и восхищенія, которыми его встрѣтили, краска бросилась ему въ лицо. Женщины обмѣнивались замѣчаніями; одна Иза молча смотрѣла на юношу, пожирая его глазами и съ ея полуоткрытыхъ губъ сорвалось восклицаніе:

— О, какой красавецъ!

Она не могла отвести отъ него своихъ глазъ.

Когда молчаніе возстановилось, предсѣдатель предложилъ прочесть обвинительный актъ, который Морисъ прослушалъ съ легкимъ наклоненіемъ головы; на губахъ его блуждала презрительная улыбка. Его не особенно взволновало чтеніе этого акта. Мы уже знаемъ улики, которыя существовали противъ него: двѣ бутылки шампанскаго, купленныя имъ у виноторговца, въ Ліонской улицѣ, накануиѣ преступленія, и найденныя въ комнатѣ убитой; отсутствіе его въ ночь преступленія, встрѣча на бульварѣ, гдѣ его видѣли, вечеромъ, съ женщиною; наконецъ, письмо, доказывавшее, что у него была сообщница. Когда прокуроръ прочелъ слѣдующую фразу: «Мы увѣрены, что онъ не единственный виновный, имъ руководила женщина; женщина толкнула его на преступленіе»,—Иза нахмурила брови.

Чтеніе обвинительнаго акта тянулось очень долго, затѣмъ беззубый прокуроръ, улыбаясь, тянулъ свою рѣчь, сопровождая ее граціозными жестами и голосовыми эфектами, напоминавшими старыя бульварныя мелодрамы. Краснорѣчіе его не было предназначено для присяжныхъ; прокуроръ говорилъ для перваго ряда, для того женскаго круга, который Мишле называлъ «гирляндою цвѣтовъ». При каждой пикантной подробности, его улыбающійся взглядъ искалъ встрѣчи съ глазами одной изъ этихъ дамъ». Судьи казалось спали съ открытыми глазами, ихъ тусклые взгляды, скользили по толпѣ, ничего не видя; президентъ Матье дю Тальи, встрѣтивъ взглядъ Изы, улыбнулся ей, но та ничего не замѣчала, ея взоры и мысли принадлежали всецѣло молодому юношѣ, этому агнцу, подставлявшему свою шею подъ ударъ,—Морису, исполненному равнодушія и презрѣнія.

Морисъ Феранъ думалъ найти въ толпѣ и на скамьѣ свидѣтелей, друзей, опору, и встрѣтилъ однихъ равнодушныхъ; не было даже его сестры, и онъ подумалъ, что новыя улики убѣдили его послѣднихъ друзей въ томъ, что онъ дѣйствительно виновенъ. При вызовѣ свидѣтелей не оказалось ни сестры, ни дочери Тюссо, разведенной жены Гудара; для сестры не было извиненія; медицинское свидѣтельство удостовѣряло опасную болѣзнь Сесиль и подтверждало невозможность ей явиться въ судъ; просьба объ отсрочкѣ засѣданія не была принята. Все это указывало Ферану, что дѣло его рѣшено заранѣе, онъ обвиненъ, чтобы онъ ни дѣлалъ, ни говорилъ. Когда онъ съ вопрошающимъ взглядомъ обратился къ своему защитнику, тотъ, пожимая плечами, какъ бы отвѣчалъ ему: «Чего вы хотите? Я сдѣлалъ все, что могъ».

Послѣ короткаго допроса обвиняемаго, отрицанія котораго были встрѣчены улыбками судей и присяжныхъ, приступили къ допросу свидѣтелей.

Феранъ увидѣлъ людей, совершенно ему неизвѣстныхъ, которые утверждали, что видѣли его въ такомъ-то часу; одинъ изъ нихъ показывалъ, что вино куплено у него, въ чемъ не могло быть никакой ошибки, такъ какъ шампанское марки «Grand Royal, de Launay et C., Reims» въ этой мѣстности продается только въ его магазинѣ. У него именно были куплены бутылки, найденныя въ комнатѣ убитой.

Предсѣдатель, увѣренный, что поразитъ обвиненнаго, спросилъ:

— Феранъ, что вы можете отвѣтить?

— Ничего, г. предсѣдатель.

— Вы признаете, что купили двѣ бутылки шампанскаго у свидѣтеля?

— Да, г. предсѣдатель (удивленіе въ публикѣ, симпатизирующей обвиняемому).

— Вы признаете, что изучали, по Клодъ Бернару, какъ приготовлять ядъ, который, будучи примѣшанъ къ вину, доставляетъ пріятную смерть?

— Да, г. предсѣдатель (тяжелое впечатлѣніе въ публикѣ).

— Вы отравили вино и снесли его къ Леѣ Меданъ?

Морисъ печально улыбнулся и сказалъ:

— Г. предсѣдатель, клянусь, что отравленныя мною бутылки остались у меня; клянусь, что никогда нога моя не была у Леи Меданъ; клянусь, что не знаю этой женщины (выраженіе сочувственнаго волненія въ залѣ).

— И такъ, вы купили для себя двѣ бутылки шампанскаго, между тѣмъ, какъ привыкли пить только дешевое вино; вы купили шампанское высшаго качества, несмотря на цѣну, для себя; и отравили его тоже для себя?

— Да, г. предсѣдатель.

— Да кого же вы хотите въ этомъ убѣдить? Вы простой рабочій; вы привыкли пить только дешевое вино и хотите увѣрить насъ, что выбрали для себя дорогое вино. Вы сдѣлали это потому, что та, которой вы его предназначали, привыкла къ самымъ лучшимъ винамъ, и вы поневолѣ должны были выбрать лучшее. Вы боялись, что при первомъ глоткѣ она можетъ оттолкнуть стаканъ, вотъ почему вы выбрали это вино.

— Г. предсѣдатель, я въ первый разъ въ жизни пилъ это вино; рѣшившись умереть, я не заботился о деньгахъ, и не думалъ о цѣнѣ того, что покупалъ.

— Хорошо, присяжные оцѣнятъ ваше показаніе. Вы утверждаете, что были дома, спали, а четверо свидѣтелей, ваши сосѣди, слышали, какъ въ два часа хлопнула ваша дверь: вы въ это время возвратились отъ Леи Меданъ.

Морисъ пожалъ плечами и сказалъ:

— Я вамъ сказалъ правду; теперь, не понимая, чего вы отъ меня хотите, я не стану болѣе отвѣчать.

Слова эти произвели сильное впечатлѣніе на слушателей; искренній, спокойный тонъ, исполненная достоинства манера Мориса поразили всѣхъ; выраженія сочувствія, которыми были встрѣчены его слова, заставили его обернуться и глаза его встрѣтились со взорами Изы; красавица улыбалась, огонь, блестѣвшій въ ея глазахъ, удивилъ молодого человѣка, пристальный взглядъ ея смутилъ его. Онъ хотѣлъ выдержать его, но не могъ, вѣки его опустились и онъ почувствовалъ, какъ кровь прилила къ лицу.

Услышавъ, что публика съ сочувствіемъ встрѣтила отвѣтъ Мориса Ферана, старый предсѣдатель, Матье-дю-Тальи, насупилъ свои густыя брови и сказалъ строго:

— Приставъ, попросите публику замолчать. Если повторятся новыя изъявленія, сочувствія или несочувствія, я прикажу очистить залу; введите свидѣтеля.

Приставъ доложилъ:

— Г. абатъ Дютилейль.

Услышавъ это имя, Иза, не сводившая до тѣхъ поръ глазъ съ Мориса, повернулась и взглянула на вошедшаго.

Абатъ Дютилейль подошелъ къ трибунѣ. Онъ былъ одѣтъ въ статское платье, но по которому легко было узнать священника, на немъ былъ длинный сюртукъ безъ воротника, застегнутый на множество пуговицъ, гладкій галстукъ, безъ банта, совершенно закрывалъ воротникъ рубашки. Въ этомъ обтянутомъ сюртукѣ, фигура абата имѣла много женственнаго; руки были жирны и круглы, изъ тонкихъ, плоеныхъ манжетъ выходила полная, бѣлая кисть; на шеѣ не было воротничка, быть можетъ, изъ кокетства, чтобы жирная, уже нѣсколько вялая кожа казалась бѣлѣе; подбородокъ былъ только что выбритъ, и только по костюму можно было узнать мужчину, до такой степени черты лица были тонки, въ нихъ было даже что-то вызывающее; кольцо завитыхъ волосъ обрамляли лобъ и шею; при взглядѣ на лицо его, глазъ, обманутый полнотою, невольно отыскивалъ женскій бюстъ и округлыя бедра. Взоръ абата былъ томенъ; онъ постоянно ускользалъ отъ наблюдателя, то направляясь къ небу, то глядя вправо, то влѣво, то закрывался вѣками, и сквозилъ сквозь рѣсницы, но никогда не устремлялся на собесѣдника.

Когда предсѣдатель обратился къ абату, заставивъ его сначала присягнуть, Иза, наклонивъ голову, стала кусать концы своего кружевнаго платка.

— Мы слышали уже нѣсколькихъ свидѣтелей, сказалъ предсѣдатель, обращаясь къ присяжнымъ,—но до сихъ поръ намъ не удалось еще выяснить, въ какихъ отношеніяхъ Морисъ Феранъ находился къ своей жертвѣ; вы слышали, гг. присяжные, показанія вполнѣ удостовѣряющія, что именно Морисъ Феранъ купилъ шампанское и отравилъ его; кромѣ того, самъ онъ, подавленный уликами, не отрицаетъ этого. Феранъ утверждаетъ, что не зналъ Леи Меданъ и никогда у нея не былъ... Г. абатъ былъ духовникомъ несчастной женщины; этому нечего удивляться, очень часто встрѣчаются несчастныя куртизанки, погрязшія въ порокѣ и сохраняющія полную вѣру. Г. абатъ Дютилейль старался

вывести на прямой путь кающуюся женщину. Г. абатъ, вы часто бывали у Леи Меданъ?

— Г. предсѣдатель, я не зналъ совершенно, какой родъ жизни вела эта дама, мнѣ указали на нее, какъ на очень благотворительную особу, богатую иностранку, чрезвычайно благочестивую, испытавшую много горя на родинѣ и всегда готовую помочь несчастнымъ. Открывая «общество исправленія заблудшихся» я обратился къ ней, она тотчасъ же подписала извѣстную сумму и просила меня не забывать о ней, когда понадобится мнѣ содѣйствіе для какого-нибудь добраго дѣла.

— Какого мнѣнія были вы объ этой женщинѣ?

— Признаюсь, г. предсѣдатель, я большой простакъ, я нѣсколько разъ былъ у нея и думалъ, что эта госпожа принадлежитъ къ высшему обществу; мнѣ казалось, что она старается загладить свои проступки добрыми дѣлами. Повторяю, я считалъ ее очень знатной дамой и только это ужасное дѣло открыло мнѣ, кто она такая. Ее называли дома баронессой и я зналъ ее подъ именемъ Леи де-Меданъ.

— Вы часто бывали у нея?

— Очень рѣдко, г. президентъ, только когда обращался за помощью.

— Когда вы приходили, г. абатъ, вы не замѣчали ничего подозрительнаго?

— О, никогда, г. президентъ! я бы не вернулся къ ней...

— Вы встрѣчали у нея посѣтителей?

— Постоянно, г. президентъ. Г-жа де-Меданъ принимала меня въ гостиной, гдѣ я, во всѣ четыре раза, что я былъ у нея, встрѣчался съ ея знакомыми.

— Не встрѣчали вы тамъ обвиняемаго? Обвиняемый, встаньте и взгляните на г. абата, сказалъ президентъ Морису.

Морисъ всталъ, повинуясь приказанію, съ кроткою улыбкой взглянулъ на абата и ждалъ отвѣта.

— Г. абатъ, знаете-ли вы обвиняемаго?

— Да, г. президентъ.

Въ залѣ послышался глухой шопотъ сожалѣнія.

— И вы встрѣчали его у Леи Меданъ? продолжалъ Матье дю-Тайли.

— Да, г. президентъ.

— Не ошибаетесь-ли вы?

— Я утверждаю это... Этотъ господинъ долженъ меня узнать; я видѣлъ его два раза; разъ наединѣ съ г-жею де-Меданъ; я принялъ его за ея родственника, они похожи другъ на друга, оба бѣлокурые и говорили другъ другу «ты».

У президента появилась на губахъ довольная улыбка; онъ искоса посматривалъ на присяжныхъ, какъ бы говоря имъ: «Ну, что, убѣдились теперь, это говоритъ патеръ, можете-ли сомнѣваться!» Прокуроръ обводилъ публику торжествующими взглядами: «Развѣ я зашелъ слишкомъ далеко? Это говоритъ патеръ!»—можно было прочесть въ нихъ. Присяжные переглядывались, вытянувъ губы, качая головою и думая: «Нѣтъ, это не шутка, это говоритъ патеръ!» Публика была смущена. Защитникъ нахмурилъ брови, а абатъ Дютилейль, скрестивъ на груди полныя руки, ждалъ, опустивъ голову, съ полузакрытыми глазами. Внимательный наблюдатель—а Иза была имъ—замѣтилъ бы, что губы патера судорожно дрожатъ, а виски бьются съ страшною силою; но лицо остается невозмутимымъ. Морисъ прерывисто дышалъ; онъ видимо желалъ говорить; одинъ жандармъ оставался непоколебимъ, морально и физически. Президентъ, довольный точностію показанія свидѣтеля, обратился къ Морису:

— Обвиняемый, что вы можете отвѣтить?

На нѣсколько секундъ водворилось молчаніе; абатъ стоялъ до сихъ поръ опустивъ голову; онъ приподнялъ ее, какъ вдругъ Морисъ ударилъ кулакомъ по скамьѣ и, вытянувшись во весь ростъ, впервые взглядъ въ президента, вскричалъ:

— Я сказалъ, что не стану отвѣчать... но я говорилъ также, что выскажу правду, а этого я не въ силахъ слышать. Я отвѣчу г. президентъ, то, что отвѣтилъ нѣсколько дней тому назадъ, когда мнѣ дали очную ставку съ этимъ человѣкомъ.

— Говорите вѣжливѣе, перебилъ президентъ.

— Онъ солгалъ, продолжалъ Морисъ.—Кто бы онъ ни былъ, патеръ или самъ епископъ, этотъ человѣкъ—наглый лжецъ. Да, разбойникъ, ты лжешь; если ты бывалъ у этой дѣвки, то это потому, что тебя влекли къ ней твои пороки; ты не могъ меня тамъ встрѣтить; ты лжешь, лжешь!

При этихъ словахъ всѣ повскакали съ мѣстъ, какъ отъ электрическаго удара; прокуроръ же закричалъ:

— Онъ оскорбляетъ священника! г. президентъ, я протестую!

— Жандармы, заставьте его замолчать, закричалъ президентъ.—Подсудимый, если вы будете такъ вести себя, я велю васъ вывести. Г. абатъ, простите ему; я совершенно смущенъ тѣмъ, что произошло.

— Г. президентъ, я сказалъ правду. Совѣсть моя спокойна. Мнѣ не въ чемъ упрекнуть себя; я прощаю его, онъ такъ несчастенъ!

Морисъ пожалъ плечами.

Взволнованная публика ждала новой выходки подсудимаго; но, окинувъ свидѣтеля презрительнымъ взглядомъ, Морисъ сѣлъ, глубоко вздохнувъ, точно почувствовалъ облегченіе отъ высказанныхъ имъ словъ; рѣшась не принимать болѣе участія въ преніяхъ, гдѣ дѣло шло о его жизни, онъ облокотился и спокойно смотрѣлъ на судей, избѣгая такимъ образомъ странныхъ взглядовъ Изы.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Есть-ли ко мнѣ письмо? Мы уже не разъ помѣщали копіи съ испанскихъ картинъ и рисунковъ. Въ числѣ этихъ произведеній были и рисунки професора Балакка, рисунокъ котораго находится и въ настоящую минуту передъ читателемъ. «Есть-ли ко мнѣ письмо?» вотъ вопросъ, который, кажется, только что произнесенъ этою дѣвушкою, стоящею передъ почтальономъ, перебирающимъ письма. Экспрессія лицъ схвачена ловко, рисунокъ исполненъ бойко, чтоже касается гравировки,—то о ней и говорить нечего: работа испанскихъ граверовъ почти всегда безукоризненно хороша.

Властъ. Въ числѣ многихъ прекрасныхъ стихотвореній покойнаго Н. А. Некрасова, «Власъ» занимаетъ не послѣднее мѣсто: это не только прочувствованное стихотвореніе, но и цѣлый чисто народный, чисто русскій типъ. Исторія этого міроѣда, доведеннаго до раскаянья несчастіями и религіознымъ страхомъ, пошедшаго по міру собирать деньги на построеніе храма, — исторія выхваченная изъ народной жизни. Рисунокъ г. Чистякова передаетъ типъ этого странника, идущаго по городамъ и селамъ, въ дождь и въ бурю собирать на построеніе храма божія.

Пиръ во время чумы. Мы уже не разъ помѣщали копіи съ картинъ Ганса Макарта—этого блестящаго представителя современныхъ художниковъ—и потому намъ нечего говорить о его талантѣ. Въ числѣ самыхъ выдающихся его произведеній, картины «Пиръ во время чумы», знакомыя Петербургу, занимаютъ самое видное мѣсто. Это смѣлыя и характерныя изображенія оргій, происходившихъ во время чумы. Вино, женщины, любовь, или, лучше сказать, любовный разгулъ идутъ здѣсь рядомъ съ дракою, съ кровавыми сценами. Предметъ, взятый художникомъ, служилъ темою для множества художественныхъ и поэтическихъ произведеній. У насъ есть великолѣпное произведеніе Пушкина, касающееся этого же сюжета, производящее тоже впечатлѣніе, какъ и картины Ганса Макарта.

Тифлисъ и Народы Россіи. Кромѣ названныхъ выше картинъ въ настоящемъ нумерѣ нашего журнала, читатели найдутъ видъ одного изъ живописныхъ уголковъ Тифлиса, сдѣланный по фотографіи, и рисунокъ Н. Т. Малышева къ статьямъ С. С. Шашкова «Народы Россіи».

Смѣсь.

— Типографіи и книжная торговля въ Петербургѣ. Въ настоящее время, въ Петербургѣ существуютъ: 103 типографіи, изъ которыхъ всего 7 казенныхъ; литографій 110, словолитень 12, металографій 5, фотографій 89, книжныхъ магазиновъ и книжныхъ лавокъ 103, книжныхъ ларей 17, музыкальныхъ магазиновъ 14, библіотекъ и кабинетовъ для чтенія 30, заведеній для продажи и производства принадлежностей тисненія 15, ручныхъ печатныхъ станковъ 22 и, наконецъ, разныхъ копировальныхъ апаратовъ 35. Сверхъ того, существуетъ одна мастерская для изготовленія эластическихъ штемпелей. Продажа книгъ, брошюръ, газетъ и календарей производится также при 15-ти типографіяхъ, при 7 редакціяхъ повременныхъ изданій, при 32-хъ магазинахъ дѣтскихъ игрушекъ, и, наконецъ, въ нѣкоторыхъ табачныхъ лавочкахъ и въ одной частной квартирѣ. Разносная продажа газетъ и другихъ произведеній печати производится при посредствѣ двухъ артелей, состоящихъ изъ 140 разнощиковъ, и 13-ти лицъ, которымъ разрѣшена продажа.

— Статуя Гауссу. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Германіи была открыта подписка для постановки въ Берлинѣ статуи Гауссу. Быстро собирались деньги центральнымъ комитетомъ, и въ настоящее время статуя отливается изъ бронзы. Имя Гаусса у насъ почти неизвѣстно, и его помнятъ только развѣ кончившіе курсъ на математическихъ факультетахъ или въ институтѣ путей сообщенія. А между тѣмъ Гауссъ былъ замѣчательнѣйшимъ ученымъ настоящаго столѣтія. Помимо всѣхъ его работъ и реформъ въ наукѣ, которые чужды для большинства, Гауссъ открылъ, вмѣстѣ съ Веберомъ, телеграфъ,—то могущественное средство сообщенія, безъ котораго немыслима общественная жизнь цивилизованныхъ народовъ. Сколько людей пользуются телеграфомъ и сколько изъ нихъ знаетъ что-нибудь о Гауссѣ? Имена изобрѣтателей простыхъ апаратовъ—Морзе и Юза у насъ болѣе извѣстны, чѣмъ имя Гаусса. Въ Германіи, Америкѣ и многихъ другихъ странахъ Гауссу поставлено по нѣсколько статуй. Жаль, что наши инженеры, строющіе желѣзныя дороги, не подумаютъ украсить залы въ вокзалахъ хотя бы самыми простенькими статуями Гаусса, Вебера, Уатта и другихъ.

— Гора Аавасакса. Недалеко отъ города Торнео, улеаборгской губ. находится гора Аавасакса, на которую ежегодно въ ивановъ день собирается много путешественниковъ любоваться незаходящимъ впродолженіи цѣлой ночи солнцемъ. Въ нынѣшнемъ году на Аавасаксѣ, по словамъ улеаборгскихъ газетъ, было около 300 зрителей. Между ними были 3 англичанина, 2 француза, 1 русскій, нѣсколько нѣмцовъ, датчанъ и шведовъ, остальные—финны. Солнце всю ночь свѣтило очень ярко. Для удобства путешественниковъ на горѣ въ настоящее время строится, на средства финляндской казны, гостинница.

— Динамитъ. «Новое Время» слышало, что углепромышленники ходатайствуютъ предъ правительствомъ объ устройствѣ въ южной Россіи завода для приготовленія динамита. Ходатайство это вызвано тѣмъ, что доставка получаемаго ны-

нѣ углепромышленниками изъ-за границы динамита оказывается весьма неудобною, между тѣмъ успѣшная добыча антрацита на югѣ Россіи безъ него почти невозможна.

— Женщины-врачи. Недавно въ медицинской коллегіи въ Мадрасѣ кончили свое медицинское образованіе первыя 4 женщины изъ Индіи. Онѣ, по словамъ президента, занимались всѣ годы своего студенчества съ замѣчательной настойчивостью и успѣхомъ, такъ что получили даже нѣсколько премій по клинической медицинѣ, хирургіи, химіи, анатоміи, офталмологіи и гигіенѣ.

— Темнота непроглядная. «Новостямъ» сообщаютъ, что къ одной помѣщицѣ боровичскаго уѣзда, г-жѣ А., приходитъ крестьянка и молча, съ поклономъ, вручаетъ ей два свѣжихъ куриныхъ яйца; та удивляется такому приношенію, отказывается, но крестьянка настаиваетъ, прося взамѣнъ этого.... позволенія покататься нѣкоторое время ея двумъ малолѣткамъ въ свиной берлогѣ (здѣшніе крестьяне не держатъ свиней). Изумленная такой просьбой, г-жа А. спрашиваетъ о цѣли подобнаго страннаго акта; тогда крестьянка объяснила, что въ сосѣдней деревни появилась оспа; чтобы охранить отъ нея дѣтей, она и прибѣгаетъ къ этому «испытанному» средству. Несмотря ни на какія увѣренія въ недѣйствительности этого средства, крестьянка упрашивала дать ей «позволеніе» и, когда, наконецъ, оно было дано, привела своихъ дѣтей и, не обращая вниманія на ихъ отчаянные крики, вооружившись кочергой (катать, видите ли, необходимо кочергой, а не голыми руками), начала ихъ катать по грязной свиной берлогѣ.

— Оскорбленіе бѣлыми розами. «Нов. Вр». сообщаютъ о слѣдующемъ фактѣ, который послужитъ предметомъ судебнаго разбирательства: Одна изъ дачницъ «Лѣсного»—жена извѣстнаго капиталиста, встрѣчаясь въ лѣсномъ клубѣ съ молодымъ человѣкомъ г. Т. успѣла обратить на себя его вниманіе. Нѣсколько времени тому назадъ она въ разговорѣ съ нимъ высказала, что обожаетъ бѣлыя розы и на слѣдующій же день ей былъ присланъ отъ неизвѣстнаго черезъ посыльнаго прелестный букетъ бѣлыхъ розъ. Подобная же присылка повторилась снова черезъ 2 дня, такъ же какъ и спустя еще 2 дня, причемъ букетъ оказался перевязаннымъ голубою лентою съ весьма пламеннымъ двустишіемъ. На этотъ разъ дама оскорбилась и, узнавъ изъ расспросовъ посыльнаго, что букеты доставляются ей изъ одного изъ петербургскихъ цвѣточныхъ магазиновъ, по заказу г. Т., которымъ сдѣлано распоряженіе, чтобы ей черезъ каждые 2 дня посылался за его счетъ букетъ бѣлыхъ розъ, рѣшилась возбудить противъ него преслѣдованіе за оскорбленіе дѣйствіемъ. Мужъ обвинительницы, въ виду того, что его супругѣ уже было доставлено 3 букета, препроводилъ сумму равную ихъ стоимости въ одно изъ благотворительныхъ обществъ.

— Черезъ-чуръ энергичныя дамы. Клерикальныя французскія газеты сообщаютъ, въ качествѣ примѣра, достойнаго подражанія, что въ одной изъ общинъ изерскаго департамента дамы высѣкли розгами, раздѣвъ предварительно его до-нага, помощника мэра, который осмѣлился выполнить распоряженіе префекта объ изгнаніи изъ сельской школы обучавшихъ тамъ монаховъ.

— Находчивость. Какой-то французъ проживающій въ Луизіанѣ, имѣлъ несчастіе быть нелюбимымъ женой, которая отъ него постоянно бѣгала. Раздумывая, какимъ-бы путемъ вѣрнѣе заставить жену вернуться къ покинутому мужу, онъ напалъ на очень ловкое и совершенно новое средство. Вмѣсто того, чтобы обращаться за этимъ къ содѣйствію властей, французъ опубликовалъ въ газетахъ, что имъ выиграно въ лотерею 50,000 долларовъ. Средство оказалось вполнѣ дѣйствительнымъ, такъ-какъ супруга немедленно-же явилась къ нему.

— Финляндская желѣзная дорога. Въ «Голосѣ» пишутъ: единственная желѣзная дорога, на которую до сихъ поръ не распространены государственные 25-ти и 15-ти-процентные сборы съ пасажирскихъ билетовъ — финляндская. Оказывается теперь, что это произошло вовсе не отъ того, что будто бы особое устройство финляндскаго края даетъ ему право отстранить себя отъ общей государственной тягости, а скорѣе вслѣдствіе, такъ сказать, внѣшнихъ, формальныхъ недоразумѣній. Дѣло въ томъ, что министерство путей сообщенія отнеслось по этому предмету въ финляндскій сенатъ, который, не имѣя никакого извѣщенія статсъ-секретаря Финляндіи, оставилъ обращонное къ нему требованіе безъ послѣдствій. Нынѣ это недоразумѣніе устранено и, какъ слышала «Русская Правда», въ виду состоявшагося соглашенія между министромъ финансовъ и статсъ-секретаремъ княжества, государственный сборъ, подобно тому, какъ на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ, будетъ установленъ и на финляндской въ самомъ непродолжительномъ времени. Но правленіе финляндской желѣзной дороги, могущее служить образцомъ того, какъ должно эксплуатировать рельсовый путь съ наибольшими выгодами и комфортомъ для публики, и на этотъ разъ намѣрено остаться вѣрнымъ своей задачѣ. Оно рѣшилось уплачивать новый государственный сборъ, не обременяя новымъ налогомъ пасажирскихъ билетовъ.

— Археологическія находки въ Россіи. Т. В. Кибальчичъ, при своихъ археологическихъ поискахъ въ полтавской губерніи, открылъ огромное поселеніе первобытнаго человѣка на берегу рѣки Трубежа, у с. Селища, переяславскаго уѣзда, въ мѣстности, носящей названіе «Бирки». Древнѣйшая селитьба находилась на правомъ берегу р. Трубайла (мѣстное названіе Трубежа), къ юго-востоку отъ с. Селища, въ мѣстности, гдѣ рѣка въ древности дѣлала заливъ, защитивъ заселенную мѣстность отъ Трубежа большими удлиненными насыпями, имѣющими видъ неправильныхъ по формѣ кургановъ, занимала отъ 35 до 40 десятинъ. Сыпучій рѣчной песокъ, при сильныхъ вѣтрахъ перемѣняя свои наслоенія, открываетъ грунтъ сѣрой земли и насыпь, состоящую изъ угля, золы, костей разныхъ животныхъ и человѣка, кусковъ битой посуды, окаменѣвающихъ частей дерева, кремневыхъ ножей, осколковъ разныхъ орудій, бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ и разныхъ другихъ вещей. При тщательномъ осмотрѣ этой мѣстности, 20-го, 21-го и 22-го іюня, текущаго года, Кибальчичемъ сдѣланы находки: 2 каменныхъ орудія, по мнѣнію его, употреблявшіяся для раздробленія костей, 372 экземпляра кусковъ каменныхъ стрѣлъ и ножей, 2 глиняныхъ грубыхъ булинъ, 26 кусковъ окаменѣвшихъ костей человѣка и животныхъ, 8 кусковъ обожженнаго дерева, 17 кусковъ битой посуды, украшенной прямолинейнымъ орнаментомъ и дырочками, 5 бронзовыхъ разновидныхъ наконечниковъ стрѣлъ, 2 стеклянныя булины и 1 маленькое желѣзное колечко отъ кольчуги. Насколько намъ извѣстно, это—единственная мѣстность на югѣ Россіи, давшая такіе богатые научные результаты по отношенію къ каменному періоду человѣка, жившаго въ этой мѣстности. Слѣдить за случайными находками у с. Селища взяла на себя М. Бобровникова, живущая вблизи этой мѣстности. Въ непродолжительномъ времени, по словамъ «Кіевлянина», имѣетъ быть нарисована и снята на планъ эта весьма интересная въ научномъ отношеніи мѣстность».

— Какъ поймать льва? Весьма просто: взять пустыню, просѣять ее черезъ сито; песокъ выпадетъ, а левъ останется въ ситѣ.

— Въ судѣ. Судья. Обвиняемый! Сколько мѣшковъ картофелю вы украли у истца? Обвиняемый. Семь, г. судья; 3 въ понедѣльникъ и 2 во вторникъ вечеромъ. Судья. Такъ значитъ только 5? Обвиняемый. Точно такъ, но остальные 2 я стащу у него сегодня вечеромъ,

— Леченіе горловаго катара. Артистъ вѣнской оперы жаловался пришедшему навѣстить его врачу, что леченіе его хроническаго горловаго катара, подвигается очень медленно.

— Взялись бы вы энергично за дѣло и уничтожили-бъ мой недугъ, что называется, однимъ ударомъ, говорилъ раздосадованный больной врачу.

— Однимъ ударомъ? возразилъ врачъ, — это возможно.

И дѣйствительно, однимъ ударомъ своей палки онъ разбилъ въ дребезги, тутъ же стоявшій, штофъ съ водкой.

— Поджаренная соль, какъ средство противъ перемѣжающейся лихорадки. Въ издающемся въ Марсели, медицинскомъ журналѣ помѣщено сообщеніе д-ра Брокеса объ опытахъ, производимыхъ имъ во время его путешествія въ Венгріи и Америкѣ, при леченіи перемѣжающейся лихорадки. Онъ совѣтуетъ взять горсть мелко истолченной соли, положить ее на новую сковороду и поджаривать надъ огнемъ до тѣхъ поръ, пока она не сдѣлается цвѣта жаренаго кофе. Для взрослаго человѣка достаточно одной столовой ложки этой соли, растворенной въ стаканѣ тепловатой воды, на пріемъ. Повторять это по утрамъ, въ промежутокъ между пароксизмами и соблюдать при этомъ самую строгую діэту. По увѣренію Брокеса, этотъ методъ леченія, впродолженіи 18-лѣтней его практики, ни разу не далъ отрицательнаго результата.

— Дневникъ Гейне. По словамъ «Montags Revue», въ архивѣ вѣнскаго министерства финансовъ найдены 2 тома дневника великаго поэта Гейне. Дневникъ относится къ періоду времени между 1830 и 1836 гг. и заключаетъ нѣсколько сатирическихъ поэмъ на домъ Габсбурговъ. Поэмы эти Гейне читалъ своему брату Густаву, редактору «Fremdenblatt», когда онъ пріѣзжалъ въ Парижъ въ 1851 году. Гейне былъ невысокаго мнѣнія о способностяхъ своего брата и когда этотъ послѣдній сказалъ, что намѣренъ сдѣлать изъ своей газеты органъ реакціонной партіи, то онъ отвѣчалъ ему сухо: «ну, гдѣ вамъ» и продолжалъ изливать желчь противъ австрійской династіи, читая вслухъ вышеупомянутыя свои поэмы. Густавъ оторопѣлъ и замѣтилъ брату, что если бы поэмы эти были напечатаны, то ему нельзя было-бы и показаться въ Вѣну и, зная его денежныя затрудненія, предложилъ купить у него рукопись; братья сторговались и Густавъ возвратился въ Вѣну. Въ 1852 г. онъ опять пріѣхалъ въ Парижъ и нашелъ брата больнымъ и безъ гроша денегъ. Гейне написалъ записки о своемъ дѣтствѣ, воспитаніи, жизни въ Берлинѣ и Геттингенѣ и о первыхъ годахъ пребыванія въ Парижѣ. Онѣ были готовы къ печати съ 1847 г., но печатаніе ихъ было отложено потому, что Гейне хотѣлъ прибавить къ нимъ третій томъ съ тѣмъ, чтобы довести дневникъ до 1840 г.; но болѣзнь помѣшала ему окончить этотъ трудъ. Густавъ далъ брату взаймы 5,000 франковъ и увезъ рукопись въ Вѣну, какъ залогъ. Вскорѣ послѣ этого Гейне умеръ. Жена его просила Густава отдать ей рукопись, но онъ не отдалъ, издателю Гейне, Кампе, тоже неудалось ее выручить. Густавъ отговаривался тѣмъ, что такъ какъ занятая сумма не была уплачена ему въ срокъ, то рукопись составляетъ его собственность. Дневникъ же вмѣстѣ съ поэмами онъ представилъ императору, какъ доказательство своей преданности. За это онъ получилъ 5,000 франковъ, которые давалъ брату, и титулъ барона.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 30-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 28-го іюля въ 6 часовъ 20 минутъ, на иногородную почту 29-го іюля въ 12 часовъ дня.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель Н. И. Шульгинъ.

Редакторъ Д. А. Коропъ-Карчевскій.

Дозволено цензурою. С-Петербургъ, 3 Августа 1879 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., № 12.)